Место, названное зимой

Автор:
Патрик Гейл

Место, названное зимой

Патрик Гейл

Гарри Зоунт, состоятельный наследник и заботливый старший брат, никогда не чувствовал себя на своем месте в английском обществе будучи молчаливым и несколько застенчивым человеком. Но его формализованную, праздную жизнь главы семьи, которого на самом деле никто не принимает всерьез, меняет опасное и незаконное влечение, которому он поддается вопреки морали и угрозе ареста. Это стоило ему слишком дорого. Отныне он вынужден покинуть жену, ребенка, брата. Оставить позади всю свою прежнюю жизнь. Гарри отправляется в эмиграцию в далекую, мало заселенную Канаду, где его встретят суровые прерии, угроза Первой мировой войны и следующего по ее пятам безумия.

Этот роман основан на подлинной истории, которую Патрик Гейл подчерпнул из семейных архивов. Он создал эпическую, очень интимную драму, которая полна тайн, острых конфликтов, неоспоримой сексуальности и, в конечном счете, большой любви.

Патрик Гейл

Место, названное зимой

Посвящается Эйдану Хиксу

Patrick Gale

A PLACE CALLED WINTER

Copyright © 2015 by Patrick Gale

Перевод с английского А. Смирновой

© А. Смирнова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Вефиль

Буйного, возбуждённого пациента в принудительном порядке, держа за ноги, опускают головой вперёд в обыкновенную ванну. Находясь в воде, он не должен шевелить руками и ногами, в противном случае его удерживают в ванне или же поднимают на поверхность и вновь опускают, пока он не придёт в спокойное состояние.

Л. Форбс Уинслоу. Турецкая ванна при психических расстройствах (1896).

Глава 1

Санитаров к нему, как обычно, пришло двое. Некоторые были добрыми и хотели помочь. Некоторые были напуганы и, как неопытные фермеры, впервые клеймившие быка, прятали свой страх за руганью и грубостью. Но эти двое оказались самого неприятного толка – они попросту не обращали на него внимания. Войдя к нему, разговаривали друг с другом и продолжали разговаривать, закрепляя наручники на его запястьях и таща его по коридору в процедурный кабинет.

Сегодня он был первым на очереди, поэтому в комнате с отличной изоляцией, где даже тихий разговор казался криком, стояла тишина, если не считать звука наполняемых ванн. Восемь ванн стояли в ряд, ещё три – поодаль. Издалека они казались самыми обыкновенными. При ближайшем рассмотрении было видно, что в воду опускалось нечто вроде гамаков.

– Мне не нужен гамак, – сказал он им. – И наручники тоже. Если хотите, чтобы я лёг в ванну и лежал, я не против. Мне не нужен гамак. Ладно?

Не обращая на него внимания, санитары оборвали свой невнятный разговор. Один расстегнул пуговицы на пижамной кофте Гарри. Другой развязал верёвку, державшую его пижамные штаны, и они упали на пол.

– Это нужно, чтобы вас успокоить, – сказал один, словно зачитывая служебное уведомление. – Вы слишком раздражительны, и это нужно, чтобы вас успокоить, – он сдёрнул пижамную кофту с плеч Гарри. – Забирайтесь.

– Я бы лучше принял обычную ванну. Пожалуйста, не нужно этих ремней.

Отточенным движением один из санитаров ухватил его за лодыжки, другой взял за плечи, и они погрузили его в ближайшую ванну, так чтобы гамак удерживал его в горячей воде. Температура была высокой, но нельзя сказать, чтобы неприятной. Неприятна была потеря контроля над собственным телом. Один санитар удерживал запястья Гарри на уровне его живота, другой в это время застегнул толстый кожаный ремень поперёк его груди. Ноги они стянули вместе ещё одним ремнём, затем туго натянули плотную брезентовую ткань, наподобие палатки, чтобы закрыть ванну полностью. В ткани было отверстие, куда они просунули его голову и тонкими ремешками стянули шею, чтобы не дать пару выйти. Теперь он, обездвиженный, был погружён в горячую воду, и на поверхности торчала лишь его голова.

– Пожалуйста, – попросил он, – не бросайте меня.

Санитары вышли, на ходу продолжая разговор. Им навстречу шли двое других, таща пациента, вопившего, что его хотят убить. Когда его раздели, он умудрился помочиться на санитара, сидевшего перед ним на корточках, и последовавший за этим переполох дал ему возможность убежать. Из коридора слышались проклятия, вопли, свист, а потом – сдавленное мычание избиваемого.

Спокойствие этого человека, когда его втащили обратно и погрузили в ванну напротив Гарри, было страшнее любых воплей. Когда их оставили наедине, по горло в воде, он повернул голову и уставился на Гарри, что ещё больше усилило его нервное напряжение. Гарри рассматривал краны сквозь толщу пара и пытался сделать вид, что его здесь нет.

– Я тебя знаю, – сказал человек тихо, но настойчиво. – Я тебя знаю, я тебя знаю, я тебя…

Гарри проснулся, дрожа, и услышал собственный крик, который его и разбудил. Он был не в своей палате, где стояло столько коек, что многие из них, включая кровать Гарри, оказались посреди комнаты. Изголовье кровати здесь тоже было железным, белого цвета, но на этом сходство заканчивалось.

Он лежал в маленькой, обитой деревом комнатке, выкрашенной в безмятежный небесно-голубой цвет; с маленького окна свисали плотные белые занавески. Обстановка была простой. Лоскутный коврик на полу, прикроватный столик, на нём – светильник и спички. Ботинки стояли на полу, пальто висело над ними на крючке. На соседнем гвозде свисал с вешалки чей-то чужой костюм. На простом деревянном стуле лежала аккуратная стопка белья, рубашек и носков, тоже не принадлежавших Гарри.

Окончательно проснувшись, он увидел на умывальнике кувшин с водой и умылся. Посмотрел на своё отражение в маленьком заляпанном зеркальце на стене. На него взирал угрюмый незнакомец. Он не помнил, когда успела отрасти борода, но она, конечно же, отросла, потому что там, откуда он приехал, не было ни бритв, ни зеркал, ничего, чем можно было бы пораниться или обжечься.

Одевшись в безукоризненно чистый костюм, идеально севший – должно быть, с Гарри сняли мерки, пока он спал, – он постарался взять себя в руки. Дыши, сказал он себе. Не забывай дышать. Потом воскресил в своей памяти голос другого человека, говорившего ему те же самые слова, и резко сел на маленькую кровать, чтобы успокоиться – таким острым и противоречивым оказалось пробуждённое воспоминание.

Рискнув наконец выйти на ослепительный утренний свет, он мог бы подумать, будто проснулся в своего рода раю, если бы не томительное чувство, что ад просто скрылся из поля зрения и вновь предстанет его глазам, если он отведёт

их чуть в сторону. Он знал, что явился сюда из ада. На запястьях и лодыжках ещё не сошли синевато-серые следы, там, где ремни и наручники впивались в его тело, а выпрямив спину, он вновь почувствовал боль от ударов и пинков, в избытке выпавших на её долю.

Происходившее до всего этого, до ада, он помнил ещё более смутно. Старые воспоминания хранились в комнатах, куда он не мог войти. В моменты тишины и ясности, между процедурами, ему удавалось подобраться достаточно близко, чтобы ощутить – они окутаны таким сильным чувством утраты, что даже коснувшись ручки двери в одну из этих комнат, он обожжёт себе кожу.

Теперь он был в долине, поросшей густой травой, которую щипали овцы и парочка вялых коров; долина сбегала к широкой бурой реке, и в её сильном течении он разглядел несколько поваленных деревьев, плывущих от левого берега к правому. По обеим сторонам возвышались бесконечные ряды голубых обледенелых гор, их пологие склоны заросли лесом. Откуда-то слева доносился звон церковного колокола. Красота увиденного, яркость красок и тишина на миг ошеломили его, и он присел на маленькую скамеечку, чтобы прийти в себя.

Он не был сумасшедшим, хотя ему казалось, что, если с ним продолжат обращаться, как с психически больным, он скоро и впрямь лишится разума. Его внимание привлёк крик сарыча, и он поднял глаза. Я ещё могу отличить сокола от цапли[1 - Отсылка к словам Гамлета, акт II, сцена 2: «Я безумен только при норд-весте; если же ветер с юга, я ещё могу отличить сокола от цапли».], подумал он. Это была психбольница, а не тюрьма, откуда он прибыл, но свободы его лишили, насколько ему было известно, без судебного процесса.

Санитары пришли к нему, как обычно, после завтрака; он уже смирился, что бесконечные, выматывающие душу попытки утихомирить его с помощью воды продолжались снова и снова. Холодное обёртывание он все же предпочитал полноценной ванне, но только потому, что оно проводилось в палате поменьше, где царили желанные тишина и покой, где он твёрдо знал, что не станет кричать в приступе паники. Во всём остальном эта процедура была ещё хуже ванны: его туго заворачивали в простыню, смоченную холодной водой, сверху наматывали ещё две простыни, резиновый коврик и одеяло, а потом оставляли его, привязанного к каркасу кровати, иногда часа на три, тихо истекать сначала водой, затем по?том.

Но в тот день лечить его не стали.

– Вы отправитесь в путешествие, – сообщил ему один из санитаров. – Молодой мистер Ормшо выбрал вас, чтобы вы помогли ему в научном исследовании, поэтому ведите себя хорошо и смирно.

Они закатали рукав его пижамы и ввели инъекцию – очевидно, сильное успокоительное, потому что, к тому времени как ему выдали носки, вернули старые ботинки и пальто, в голове у него так помутилось, что он не мог задать ни один из вопросов, толкавшихся в его мозгу.

С одной стороны его маленького домика была затенённая терраса, одна из тех, что, пристроенные полукругом к бревенчатому дому, вызывают в памяти мысли о тирольских шале, так что Гарри не удивился бы, появись на ней хор девушек, одетых в народные платья, с венками бумажных цветов в руках, распевающих песни о любви и весне.

Да, была весна, поэтому река так сильно и вышла из берегов. Зеленеющие леса позади дома наполнились птичьим пением, и, сидя на террасе, Гарри наблюдал, как птицы, бурундуки и белки носятся в траве туда-сюда, озабоченные трудными весенними делами – нагуливанием жира и поисками пары.

Он не знал, где находится, как далеко они с молчаливым санитаром уехали. Необходимость ехать поездом вызвала у него столь бурный протест, что пришлось вколоть ему вторую дозу успокоительного, поэтому большую часть путешествия он проспал пьяным сном. Остальное скрыла тьма. Всё, что он запомнил, – как его запихнули в кровать, простыни которой были прохладны от морозного горного воздуха, и какое облегчение он ощутил, оказавшись в своей собственной кровати, слушая лишь своё прерывистое дыхание, а не крики и рыдания других.

Из главного корпуса раздались звуки гонга. Гарри вздрогнул, ожидая, что сейчас идиллию нарушат санитары или медсёстры, но, оглянувшись, увидел лишь девушку в простой униформе, стоявшую у открытой двери. Заметив его, девушка подняла руку в знак приветствия, ещё несколько раз ударила в гонг, словно исключительно ради Гарри, и вновь скрылась в главном корпусе. Дверь соседнего домика распахнулась, и оттуда вышла стройная блондинка, прилично, но старомодно одетая.

– Доброе утро. – Её голос был высоким, и Гарри поднялся, чтобы поздороваться. Когда она протянула ему маленькую руку в кружевах, он заметил, что женщина значительно старше, чем он предположил сначала, окинув взглядом её фигуру.

– Приятно познакомиться, – сказал он.

– Идёте завтракать?

– Я… думаю, да.

– Вы наверняка проголодались после долгой поездки. – У неё был голос маленькой девочки, за которым часто скрывается напористый характер. – Мы слышали, что вы приехали, но нам строго-настрого велели вас не беспокоить. Я – Мейбл. Мы зовём друг друга по именам, никаких фамилий и должностей. Хороший врач в своих предпочтениях – квакер, – она нервно рассмеялась.

– Я – Гарри, – сказал он.

– Очень приятно. Гарри, позвольте проводить вас на завтрак.

– Это больница? – начал было он, но женщина вновь рассмеялась.

– Это слово у нас тоже под запретом. Да я вижу, вы бунтарь! Это сообщество. Терапевтическое сообщество. А вот и Бруно.

Из третьего домика вышла мужеподобная женщина в строгом костюме. Пожав Гарри руку, она сразу же засыпала его вопросами о том, как прошла поездка, на которые он был не в состоянии ответить, поскольку даже не мог точно сказать, откуда прибыл. Мейбл мягко укорила её за это, Бруно не обиделась, и все вместе продолжили путь. Открывались всё новые двери, выходили всё новые люди, и вскоре их стало восемь. Кроме Мейбл и Бруно, больше женщин среди них не было. Чернокожий мужчина, по предположению Гарри, прислужник, сразу же почтительно отошёл в сторону, никем не замеченный, и терпеливо ждал, пока пройдут остальные.

Когда они дошли до главного корпуса, открылась дверь ближайшего к нему домика и вышла высокая женщина-кри[2 - Этническая общность в Северной

Америке.] в ненавязчиво элегантной национальной одежде. Поймав взгляд Гарри, она быстро опустила голову, продемонстрировав каскад густых чёрных волос. Мейбл чуть слышно кашлянула, вновь переводя его внимание на себя.

Здесь было две комнаты, обе с видом на реку, – уютная библиотека, на которую Гарри взглянул лишь мельком, и столовая, хозяин которой пожелал всем доброго утра, прежде чем поприветствовать новичка.

Гарри увидел в нём одного из тех врачей, что время от времени проводили опросы в психбольнице. Это был высокий, темноволосый молодой человек, его густые усы привлекали внимание к грустным, влажным глазам. Гарри инстинктивно напрягся.

– Всё в порядке, Гарри. Вы в кругу друзей, – сказал врач и, зажав его руку в ладонях, выразительно потряс. – Удалось выспаться в оглушительной тишине?

– Да, спасибо, доктор… мистер Ормшо.

– Называйте меня Гидеоном, Гарри. Дайте-ка подумать… – он взглянул на карманные часы. – В десять часов приходите, пожалуйста, в мой кабинет.

Завтрак стоял на столике – целый ряд дымящихся блюд.

– Никакого мяса и алкоголя, – шепнула Мейбл. – Гидеон считает, они выводят из равновесия.

– Слава богу, хоть кофе можно, – добавила Бруно. Заметив, что Гарри так и стоит, уставившись на блюда, она спросила:

– Всё в порядке?

– Разве мы… – Он запнулся, и Бруно ласково посмотрела на него.

– Не торопись, – пробормотала она.

– Разве мы сами едим? – выговорил он наконец.

– Ну да.

– А где… а где санитары?

– Господи помилуй, нет здесь никаких санитаров.

Они спокойно, без лишних формальностей, выбрали, кому где сесть. К удивлению Гарри, краснокожая женщина и негр тоже к ним присоединились. Как и следовало ожидать, ели они в одиночестве. Один из мужчин нервно хихикал. Мейбл не переставала болтать, даже когда никто с ней не разговаривал. Гарри задумался, почему она так себя ведёт, если больше никто не поддерживает столь оживлённую беседу. Бруно подобострастно повторяла за ней каждое слово, но Мейбл не замечала её, явно не слишком высоко оценивая внимание женщины.

Мужчины в красивых весенних костюмах, не лишённых элегантных деталей – там шёлковый платочек, тут карманные часы, – сбившись в кучу в конце стола, кого-то напомнили Гарри. Только в конце завтрака, когда они сняли салфетки, он вспомнил кого. Хор Гайети-театра. В Лондоне. Целую вечность назад.

У каждого было особенное кольцо для салфетки. Гарри досталось с узором в виде ивовых листьев. Чувствуя под пальцами тяжёлый белый дамаст, он пытался вспомнить, когда последний раз пользовался салфеткой.

– Не то что в гадюшнике, верно? – спросил один из мужчин, и его тут же перебила Мейбл.

– Мы здесь не говорим об этом, – сказала она, затем ласково посмотрела на Гарри. – Гидеон верит в целительную силу цивилизованного поведения.

Краснокожая и чернокожий незаметно вышли из столовой. Наевшись булочек, мягких и бледных, Гарри вышел на террасу и увидел, что мужчина уже работает в саду – выравнивает лопатой края дорожки и бросает мусор в тележку. Возможно, мистер Ормшо был не только квакером, но ещё и социалистом, раз позволял прислуге завтракать с пациентами.

Маленький ара, сидя на насесте, наслаждался солнцем. По-видимому, он был прикован к своему месту. При виде Гарри он в знак приветствия помахал крылышками, блеснув перьями столь яркими, что эта яркость резала глаз, а потом вынул из мисочки орех и принялся прихорашиваться. Гарри, уже второй раз за сегодня ощутив ясность и красоту всего этого, почувствовал, что вот-вот расплачется.

– Смотри, только не трогай. – Он услышал за спиной голос Бруно. – Гидеон забрал его у девушки, которой он раскусил палец на две части. У всех нас здесь тёмное прошлое, – и, кончиками пальцев отдав ему честь, она большими шагами направилась в парк, воздух которого был так полезен для организма.

Издалека послышался пронзительный свист; обернувшись, Гарри увидел дымный столб от паровоза, прокладывавшего путь сквозь рощу; потом вспыхнула его яркая раскраска. Это зрелище вызвало болезненный спазм, и лицо Гарри резко дёрнулось. Часы с кукушкой – явная ирония! – висевшие в зале, пробили десять, и к нему подошёл мистер Ормшо.

– Пойдёмте, Гарри, – сказал он.

При всей неформальности здешних порядков, завтракал Гидеон не с пациентами. Может быть, несмотря на свой социализм, он всё же считал нужным держать некоторую дистанцию? Пройдя библиотеку, где несколько человек читали и писали, и нечто вроде оранжереи, они вошли наконец в кабинет на правой стороне; его стены чуть выпирали, так что открывался превосходный вид на реку.

С минуту Гидеон постоял рядом с Гарри, любуясь водоворотом.

– Могучая Атабаска, – сказал он.

– Бывают наводнения? – спросил Гарри.

– Да, случаются. Прошлой зимой унесло моего пса.

– Как грустно.

– Глупое животное заинтересовалось водой, плещущей из трещины во льду. Бегал туда и бегал, так что я вынужден был его привязать. Но потом кое-кто добрый отпустил его, пёс провалился в трещину раньше, чем мы успели его остановить, и утонул.

– Вы простили тех, кто это сделал?

Доктор улыбнулся.

– Нет ещё, – ответил он. – Пациентку я простил сразу же – она так сильно расстроилась. Но на реку всё ещё в обиде.

Они уселись по разные стороны стола из красного дерева, на котором лежала открытая папка.

– Ну что же, Гарри, добро пожаловать в Вефиль. Как вам завтрак?

– Замечательный, спасибо.

– Очень хорошо. Здесь не сумасшедший дом, хотя мои коллеги из Эссондейла, откуда вы прибыли, сочли бы всех здешних обитателей психически нездоровыми. Все вы вели себя неподобающим образом или высказывали суждения, которые и привели к тому, что с вами поступили подобным образом. Я изучаю такие особенности поведения. В отличие от моих коллег, я рассматриваю их не как обусловленные болезнью, а как присущие тому или иному типу. Моё исследование заслужило достаточно доверия, чтобы мне разрешили привезти сюда несколько человек, которые помогут мне в работе над ним. Вам не придётся сидеть взаперти. Вы спокойно можете гулять по саду, бродить по лесным тропинкам, даже отправиться в Хинтон, если захотите. Всё, о чём я прошу, – не покидать этих пределов в одиночестве и всегда оставлять запись в журнале на столике в зале, чтобы я знал о вашем отъезде. Ещё я прошу не нарушать личного пространства друг друга. У каждого из нас своя история, но я хотел бы, чтобы люди рассказывали эти истории по собственной воле, а не по причине вмешательства. Кроме того, я прошу уважать особенности других. Возможно, вы уже заметили – наверняка заметили, – что некоторые из здешних обитателей ведут себя странно или даже неправильно. Но не забывайте, что, с точки зрения санитаров Эссондейла, или откуда вы приехали, ваше поведение также странно и неправильно. Ну вот, нравоучениям конец. У вас есть вопросы,

Гарри?

– Только, – начал Гарри, – тут совсем не похоже на… Это словно бы частный дом.

– Это и есть частный дом, – Гидеон улыбнулся. – Мой дом.

– Мы платим за проживание?

– Все вы здесь – мои гости. Если, когда вы уедете отсюда, вам захочется внести некоторую сумму в пользу моего исследования, я буду не против. Но я получил в наследство от отца достаточно средств, и мне нравится тратить их подобным образом.

Гарри почувствовал, что у доброго доктора не слишком тёплые отношения с отцом.

– Итак. Прежде чем мы начнём, я хотел бы кое о чём вас спросить…

Он засыпал Гарри вопросами. Как его фамилия и когда он родился, где он жил, кто был монархом и кто – премьер-министром, как бы он поступил, увидев слизняка под ногами, кота, которого мучают мальчишки, обнажённую женщину в общественном месте. Гарри решил раздавить слизняка, прогнать мальчишек и прикрыть женщину одеялом.

– Итак, – вновь сказал Гидеон. – Грубо говоря, мы выяснили, что вы не сумасшедший и не опасны для других. Вы стали жертвой травмы, не сильно отличающейся от тех травм, какие получило множество мужчин во Фландрии – от душевных боевых ран. Гарри, я намерен провести с вами сеанс гипноза, чтобы раскрыть двери вашего разума, которые вы так стараетесь держать закрытыми. Вы когда-нибудь подвергались гипнозу?

– Нет.

– Не волнуйтесь. Вы вполне будете отдавать себе отчёт в происходящем, и если я увижу, что вам нехорошо, я сразу же прекращу. Идёт?

Гарри кивнул.

– Трудно отвести взгляд от реки, не правда ли?

– Да.

– Вот и хорошо. Мне нужно, чтобы вы сидели здесь, в кресле. Вот так. Садитесь. Глубоко вдохните несколько раз. Расслабьтесь. Почему вы смеётесь?

– Извините. Просто… вы напомнили мне человека, которого я знал когда-то.

– Надеюсь, это приятные воспоминания?

– Да, – ответил Гарри, ошеломлённый воспоминаниями о том, как, лёжа на узкой кровати, он слушал полуденный шум Джермин-стрит за раскрытым окном. – С такого расстояния, думаю, они приятны.

– Хорошо. Глубоко дышите. Вот так. Расслабьтесь. И сосредоточьте взгляд на реке. Смотрите на середину, где течение самое сильное. Представьте, что оно проходит сквозь вас. Оно проходит сквозь ваш разум, очищая все ваши мысли. Ваш разум – комната. Пустая комната, белая, очень спокойная. Здесь нет никаких правил. Вы можете высказать все свои мысли, и никто не узнает. Никто вас не осудит. Вы понимаете, о чём я?

– Да.

– Хорошо. Гарри?

– Да?

– Расскажите мне, кого вы любите.

Строберри-вейл

В Англии всегда с неохотой принимали человеческое естество.

Э.М. Форстер, «Морис».

Глава 2

Отец Гарри Зоунта умер от скуки. Медики диагностировали апоплексический удар, в переводе на неофициальный язык – злоупотребление жирной пищей и алкоголем. Но истинная причина, Гарри не сомневался, крылась в безделье и хандре, вызванной этим бездельем. Отец всегда жил работой и не смог придумать, чем заполнить время, продав свой бизнес и погрузившись в сомнительную роскошь праздности.

Большую часть своих двадцати восьми лет Гарри вёл спокойную, благодушную жизнь молодого мужчины. У него было достаточно средств, чтобы не работать. Отец Гарри сколотил весьма неплохое состояние, сдавая напрокат омнибусы; начав с того, что одним из первых обслуживал маршрут к югу от реки, впоследствии он расширил свои владения до четырёх оживлённых маршрутов, прежде чем, проявив хитрость, продал свои дела Главной Лондонской омнибусной компании, подобно «Тиллис» и «Видоу Бёрч».

Разбогатев, избавившись от необходимости пачкаться конским потом и уличной грязью, Зоунт-старший женился по любви и вместе с тем по расчёту. Богатство её семьи было потомственным, проверенным временем. Они встретились ещё до того, как он разбогател, – стойла Зоунта в Гринвуде, Брикстоне и Сайденхэме поставляли дешёвый и качественный навоз для удобрения садов её отца в Кенте. Её родители возражали, но не слишком – она была младшей из шестерых, страдала заиканием и пороком сердца. Когда она умерла – из-за сердца, – подарив жизнь младшему брату Гарри, Джеку, выяснилось, что свои собственные деньги она завещала Гарри, чтобы мальчик получил воспитание, достойное джентльмена.

Некоторые вдовцы находят утешение в детях, но отец Гарри и Джека не относился к их числу; он не мог видеть сыновей, напоминавших ему о той, кого он любил и потерял. Джек, конечно, был ещё младенцем, но четырёхлетний Гарри уже сильно напоминал мать: тот же высокий лоб, то же написанное на лице искреннее любопытство. Детям не передались проблемы с сердцем, но Гарри, так же как его мать, заикался, когда нервничал, и, как все мужчины в её

семье, вместо «Р» произносил «В», и потому окружающих особенно раздражало, что его не назвали Томасом или Уильямом.

Мистер Зоунт передал мальчиков на попечение кормилицы и нянечки соответственно, а когда им исполнилось пять, отправил в довольно строгую подготовительную школу на побережье Кента, где они проживали как в учебное время, так и на каникулах. Сам он продолжал вести скромное существование на Континенте, прилежно писал им сухие письма и время от времени посылал подарки: биты для крикета, перочинные ножики и тому подобное.

С тех пор как Джека отправили в ту же школу, где учился Гарри, братья были привязаны друг к другу. Настоящая семья из двух человек, они, конечно, ни у кого не могли вызывать жалости. У обоих были одноклассники, чьи родители привезли их сюда на неопределённый период сразу по прошествии недолгих, идиллически грязных младенческих лет в Индии или Африке, чтобы они воспитывались как истинные англичане, не обременённые хлипкими семейными связями.

В положенное время мальчиков перевели в Харроу[3 - Одна из старейших и самых известных британских публичных школ для мальчиков.]. Школу выбрала для них ещё покойная мать – потому что воспитанники выходили оттуда достаточно учёными, но не чересчур. Она верила, что здесь они смогут наладить нужные связи за пределами маршрутов бывших омнибусов их отца. О том, как оплачиваются их счета, стало известно либо из сплетен ехидного учителя, либо из доверчивой, неосмотрительной болтовни Джека.

Будучи младше и, следовательно, больше нуждаясь в защите брата, Джек в то же время был сильнее и увереннее в себе. Он открыто нёс себя в мир, искренне веря в других и в свою очередь легко завоёвывая их симпатии. Самой присущей ему была фраза – это просто! Жизнь представлялась ему такой же понятной, как приключенческий роман для мальчиков: люди были плохими и хорошими, правильный выбор – очевидным, и добро всегда побеждало зло. Бог, поскольку был англичанином, задумал, чтобы всё делалось к лучшему, и подарил нам жизнь, полную всевозможных наград; всё, что требовалось от нас, – приложить совсем немного усилий и взять то, что нам причитается. Джек был красивым, спортивным, добрым, и эта доброта беспокоила Гарри, уверенного, что в любой момент может произойти то, что изменит столь жизнерадостный взгляд на вещи.

Может быть, потому, что он был уже достаточно большим, когда умерла мать, чтобы ощутить трагизм смерти, чтобы запомнить мягкую приветливость будуара, откуда его так резко вышвырнули навсегда, Гарри был так же непохож на Джека, как их мать была непохожа на отца: осторожный, боязливый, склонный к размышлениям. Он не был горд, но, когда его дразнили на игровой площадке или где бы то ни было, остро чувствовал ужас унижения и, чтобы защититься, замыкался в себе. Учиться он не любил – его мозг был слишком медлительным или слишком сонным, чтобы воспринимать то, чего от него требовали, – но ничто не приносило Гарри столько удовольствия, как часы, проведённые наедине с книгами; листая страницы атласов, романов, исторических трактатов, он вызывал в своём воображении те версии самого себя, какие они ему предлагали. Не умея быстро сводить знакомства, он привык довольствоваться общением с теми, с кем сводил знакомства его брат.

Джек никак не желал примириться с застенчивостью Гарри; это качество было настолько чуждо его натуре, что он не мог понять его сути, не мог представить, каково вообще испытывать смущение. К тому времени, как оба повзрослели, младший заботился о старшем так, как старший заботился о нём, когда они были детьми, и задача вовлечь Гарри в любую деятельность, в любое увеселительное мероприятие или поездку была заложена в нём на уровне рефлексов. Как правило, у его приятелей также находились застенчивые брат или сестра, и таким образом у Гарри завязывалась дружба, дружба через поколение, всецело зависящая от великодушных порывов брата. Когда Джек, как ожидалось, вступил в кадетский корпус Харроу, Гарри начали мучить тревожные мысли, что брат может записаться на военную службу в далёкую страну и они навсегда потеряют друг друга.

Мать завещала им достаточно денег, чтобы они оба могли получить университетское образование, но Гарри не видел в этом смысла. Единственное будущее, которого он желал – вследствие общения с друзьями Джека и родственниками покойной матери, – спокойная жизнь на своей земле, где-нибудь в собственном поместье или хотя бы на ферме. Джек, напротив, точно знал, чего хочет. По иронии судьбы он всегда был без ума от лошадей. Он рисовал их всё с большим мастерством и знанием дела на полях тетрадей, читал о них и, так же как и Гарри, каждое утро отправлялся на прогулку верхом. Они оба любили верховую езду, но, когда отец изредка брал их с собой в огромные стойла на юге Лондона, только Джек бежал к лошадям, разговаривал с ними и засыпал вопросами конюхов. Скоро он точно установил для себя, что лошадям нужны ветеринары и что ветеринары зарабатывают деньги, большие деньги. Он учился старательно и так усердно – в отличие от Гарри, не видевшего конечной

цели своего обучения, – что вскоре добился возможности поступить в Королевский Ветеринарный Колледж.

Джек поселился в холостяцкой квартире Гарри. Пока он проходил курс обучения и возвращался домой, вне себя от восторга, принося лёгкий запах формальдегида, приводя шумную толпу друзей, Гарри всё глубже погружался в безделье джентльмена, стиль жизни, который может длиться годами. Оживлённый заведённый порядок – гимнастические булавы, бритьё у парикмахера, энергичная прогулка по парку, визит в клуб, куда его записал дедушка, а там – газеты, неторопливый ланч, чтение книг в библиотеке, способствующее пищеварению, потом звонок в Турецкие бани Лондона и провинции, ванна и массаж, и снова в клуб, чтобы выпить чаю и вернуться в свою квартиру обедать с Джеком.

Не считая случаев, когда у Джека были другие планы, они тихо проводили вечера, чтобы не мешать Джеку учиться, и рано ложились спать. Они вели спокойную, размеренную и, если говорить о Гарри, целомудренную жизнь, что сильно отличало их от соседей. Квартира, которую они снимали, располагалась в популярном среди холостяков доме на севере Пикадилли. За благоразумными юношами приглядывала миссис Оллардайс, почтенная домработница, которую отец когда-то нанял для них в качестве няньки; теперь она каждый день приезжала к ним из Ламбета[4 - Район Лондона.], чтобы готовить и убираться.

Внезапная смерть отца, о которой им сообщил семейный адвокат, в свою очередь узнавший о ней от юриста в Ницце, стала бо?льшим потрясением для Гарри, чем для Джека. Младший сын знал отца лишь по формальным, ничего о нём не говорящим письмам («Я рад слышать о блестяще выдержанных экзаменах… Я одобряю ваш выбор квартиры…»), поэтому новость вызвала у него не больше страданий, чем известие о крушении компании, куда он одно время подумывал вложиться. Джек брал пример с Гарри, смотрел на него, ожидая указаний, как себя вести и как чувствовать. Целый год они, как положено, носили траур, но Гарри не знал, что Джека отстранили от занятий за несоблюдение формы одежды, хотя он и отпрашивался на неделю, чтобы присутствовать на похоронах отца в Ницце.

Похороны прошли в нелепой, холодной обстановке (для Гарри стало открытием, что на юге Франции бывает плохая погода). Кроме них с Джеком и пастора местной англиканской церкви, присутствовали также видавший виды консул и две дебелые француженки в шляпах с вуалью, одна из которых поддерживала

другую, когда та, не в силах держаться на ногах от горя, рухнула у могилы. Они скрылись в мелкой мороси раньше, чем Гарри успел представиться, а консул был либо слишком тактичен, либо искренне не знал, кто они такие.

Гарри не мог притворяться, что убит горем. Если он и скорбел о чём-то, то только о своей неспособности скорбеть. Его воспоминания об отце были столь скудными и далёкими, что не позволяли им доверять. Он помнил, или думал, что помнил, как шёл позади него по каменистому пляжу, но в памяти сохранилось лишь, как трудно было идти по камням, держась за руку взрослого, и не осталось никаких тёплых чувств. Он помнил роскошную бороду, немного похожую на ту, какая бывает у королей, острый запах лайма и чего-то послаще, какого-то средства для ухода за собой – масла для бороды или лосьона для бритья. Он никак не мог воскресить в памяти его голос и внезапно осознал, что со временем стал читать про себя его письма голосом нелюбимого директора школы Харроу, а совсем не отцовским. Но, лишившись теперь уже обоих родителей, он ощутил тоску по матери с новой силой, острое и простое желание общения с женщинами.

В их жизни не было места особам прекрасного пола, если не считать миссис Оллардайс, которая, в общем-то, тоже не то чтобы присутствовала в их жизни, и хрустящие корочки пирогов удавались ей лучше, чем разговоры. Их дом состоял лишь из холостяцких квартир, но соседей сверху и снизу порой посещали более или менее приличные женщины; порой Гарри случайно сталкивался с гостьями на лестнице или в вестибюле. Здороваясь, снимал шляпу, в ответ получая приветствие или скромно опущенный взгляд, а потом за его спиной завязывался разговор, оставлявший на долю Гарри лишь обрывки фраз и столь же искушающий лёгкий аромат фиалок, духов или мыла.

В театрах, магазинах, во время полуденных прогулок Гарри наблюдал за женщинами, как за дикими птицами, отмечал элегантность или простоту их нарядов, то, как меняется их поведение наедине с собой и в компании, с мужчиной или другими женщинами. Но не было той, кого он мог бы считать своей подругой, не было и той, о ком он мог бы сказать, что хорошо её знает. Миссис Оллардайс он знал всю свою жизнь, но она, соблюдая правила подобающего поведения, так редко рассказывала о себе, что, узнав о существовании мистера Оллардайса, который погиб на англо-бурской войне, или о том, как она делила квартиру в Ламбете с четырьмя неженатыми братьями, поэтому «хорошо усвоила привычки мужчин», – Гарри пережёвывал эту информацию до неприличия долго.

Будь жива мать, будь у них сестра или по крайней мере будь сёстры у их друзей, он совсем не так воспринимал бы женщин; они стали бы для него обыденными, возможно, даже неинтересными. Родители матери каждое лето приглашали их к себе в деревню и теперь, когда мальчики повзрослели, несомненно, стали бы сводить подходящие знакомства. Но дедушка давно умер, его вдова состарилась и одряхлела, а дяди и двоюродные братья, рассматривающие само существование Гарри и Джека как нечто неудобное, понемногу свели на нет всё общение с ними.

В клубе и банях на Джермин-стрит Гарри часто смотрел по сторонам, на мужчин, которые никогда не были женаты – постепенно к нему стало приходить понимание, что и они с Джеком попадут в их число, – и думал, что их жизнь не такая уж и плохая. Пока существовала миссис Оллардайс, чтобы кормить их и убираться, портной и парикмахер, чтобы поддерживать в порядке их внешность, холостяцкое существование не слишком печалило. Он заметил, что эти мужчины, вероятно, по достижении смутно определённого возраста, получали статус закоренелых холостяков; это означало, что они прошли (или же, наоборот, провалили) некий экзамен или же, если хотите, что одиночество стало следствием их личного выбора, а не жестокости судьбы.

После смерти отца Гарри поставили в известность, откуда брались деньги, с такой лёгкостью поступавшие на его банковский счёт. Очевидно, у семейного адвоката сложилось впечатление, что он имеет дело с инфантильным идиотом, и потому он рассказывал об этом Гарри так педантично и медленно, что его речь и в самом деле стала тем ещё испытанием для Гарри. Большая часть недвижимости отца находилась в частной собственности – дома в Брикстоне и, конечно, Ламбете, где жила миссис Оллардайс и плату за которые повышали доверенные лица. По условиям сделки, продав свой бизнес, он получил от Главной Лондонской автобусной компании как наличные деньги, так и пакет акций подчинённых ей железнодорожных компаний. В какой-то период – возможно, пребывания на континенте – он проявлял значительный интерес к немецкой компании, производившей боеприпасы, весьма хорошо себя проявившей, и балетной труппе, находившейся сейчас на грани банкротства. Всё, что осталось от наследства матери, ушло на покупку нескольких домов в Кенсингтоне.

Недвижимость в Ницце перешла мадам Грассерт. Гарри вспомнил женщину у могилы – как вуаль забилась ей в рот, как смешно её маленькие ручки в чёрных перчатках цеплялись за локоть подруги. Интересно, она ожидала получить

больше?

Адвокат избегал смотреть Гарри в глаза; не отрывая взгляда от имени француженки на листе бумаги, он сказал:

– Счёт вашего отца во французском банке был заморожен на момент его смерти, естественно, после того как нотариус уладил все дела с неоплаченными долгами. При желании вы можете поручить ему вести судебный процесс, в случае, если… гм, значительные суммы были переведены на другой… банковский счёт, но, боюсь, восстановить эти суммы не удастся. Если вы хотите оспорить завещание, мы, конечно, можем…

– Нет, нет, – заверил Гарри. – Пусть всё останется как есть.

Такие подарки не делаются ни с того ни с сего, незапланированно. Если она скрасила последние годы жизни его отца, она по меньшей мере заслуживает крыши над головой. Ницца, подумал он, не то место, куда он желал бы когда-нибудь вернуться.

Мысль о том, что он внезапно унаследовал столько недвижимости, беспокоила Гарри, и он с облегчением услышал, что, подписав несколько бумаг, может оставить всё как есть, и относительно большая сумма продолжит поступать на его счёт, как раньше. Уже дома он осознал, что Джек, не получив ничего, теперь полностью от него зависим. Первой мыслью было разделить всё наследство на две части, но, конечно, так поступать было нельзя. Ввиду права наследования без ограничений недвижимость принесла бы больше дохода им обоим, если бы он был единоличным владельцем.

– Кроме того, вы вполне можете жениться, – напомнил ему адвокат, – а жена и хозяйство потребуют куда больше средств, чем ваш нынешний образ жизни.

Потом он подробно описал ему, сколько в среднем расходует семья, состоящая из мужа, жены, двоих детей и четырёх слуг. Гарри имел настолько смутные представления о том, что сколько стоит, что даже не понимал, должны ли эти суммы огорчить его или, наоборот, стать приятным сюрпризом, поэтому слушал вполуха, что адвокат принял за невозмутимость, не внушившую ему доверия. Извинившись за прямоту, он сказал, что, поскольку у Гарри нет ни отца, ни матери, которые могли бы дать ему совет, а сам Гарри, конечно, имеет мало

жизненного опыта, чтобы разбираться в таких реалиях, ему следует быть начеку, поскольку теперь он стал, выражаясь простым языком, добычей.

Потом Гарри несколько часов размышлял об услышанном, прогуливаясь вдоль Пикадилли и Найтсбриджа, чтобы немного успокоить мысли. Все эти размышления были так непривычны. Не то чтобы его ценность внезапно резко возросла; её не замечал даже любимый брат. Но он знал, что существуют руководства для высшей знати и наследников поместий; он просматривал родословную матери как-то в час безделья в библиотеке. Возможно, где-нибудь содержатся и сведения о финансах, выгодные женихи записаны в племенную книгу наподобие тех, что читает Джек, и прямо сейчас какая-нибудь не слишком щепетильная мать сосредоточенно изучает её и ставит карандашом из слоновой кости маленький знак вопроса напротив его фамилии?

Он решил особенно не таиться, но не рассказывать Джеку. Брат гораздо больше времени проводил в обществе, был открыт и доверчив, поэтому никогда не задумывался о мотивах других людей и ничего от них не скрывал, если думал, что они его любят. Он был настоящим другом матери-природы, никак не её личным советником, и всегда считал секреты непосильной ношей.

Гарри решил, что сейчас главное – помочь Джеку получить образование и найти своё место в жизни. О том, как защититься от потенциальных свекровей, они подумают позже. Даже если Джеку не нужно было бы столько времени уделять учёбе, соблюдение траура давало Гарри целый год на то, чтобы держаться в стороне от общества и критически оценивать новую информацию.

Джек был красив и хорошо сложен, не был павлином, но придавал определённое значение своей внешности и проявлял интерес к тому, как он одет. Весь год он с нетерпением ждал, когда закончится траур; Гарри видел, как сильно брату хочется поскорее надеть яркий пиджак клуба любителей гребного спорта или нарядиться в какой-нибудь другой костюм, кроме чёрного. Сам же он, напротив, был даже рад по уважительной причине не показываться в свете. Его и раньше нельзя было назвать душой компании, но на эти двенадцать месяцев он был избавлен даже от ничего не значащих разговоров. Незнакомцы и знакомые относились к нему с приятной осторожностью. Это напомнило ему легенду о Персее, прочитанную в детстве: как древнегреческий герой, надев волшебный шлем, обрёл невидимость. Другие мальчики из класса бахвалились, сколько вреда могли бы причинить окружающим, за кем стали бы шпионить, сколько банков бы ограбили, но он мечтал заполучить этот шлем, только чтобы побыть

одному, чтобы никто не донимал, не докучал. Как ни странно, он начал наблюдать за людьми в трауре, став одним из них, и замечать небольшие различия в том, как они относятся к необходимости одеваться в чёрное.

Глава 3

Несколько месяцев спустя после того, как чёрный костюм стал привычным, так что Гарри начало казаться, будто он носил его всегда, как красивый швейцар – униформу, и несколько недель спустя после того, как Джек закончил обучение на ветеринара и начал подыскивать подходящее место, он прервал утреннюю гимнастику Гарри, ворвавшись к нему и размахивая визитной карточкой. На нём был клубный пиджак, яркий, как сама весна.

Эту карточку оставила ему мать девушки, которую он встретил на последнем светском рауте клуба любителей гребного спорта. Команда Джека выиграла кубок, и, стоя в очереди к палатке, где их вручали, он разговорился с незнакомкой.

– О чём же вы говорили?

– Да не помню. Так, ни о чём. Но она ужасно прехорошенькая. День был жаркий, палатка нагрелась, как плавильная печь, и никто особенно не хотел там торчать. Я, по-моему, сказал какую-то глупость про леди Кактам – дескать, она сама заслуживает кубок за то, что стоит тут в парадном костюме, говорит все эти речи и вручает нам кусочки серебра. У неё, кажется, человек десять сестёр. У мисс Уэллс, не у леди Забылкак. Да не смотри ты так, Гарри! Будет весело. Год закончился на той неделе, так что нам не придётся одеваться, как будто мы из похоронного бюро.

– Может, один сходишь?

– Я стесняюсь.

– Не болтай чепухи.

– Ну пожалуйста, Гарри! Мы вообще никуда не ходим, а у них будет весело. И потом, ты старший, значит, они в первую очередь хотят познакомиться с тобой. Ты – мой пропуск! И тебе это тоже пойдёт на пользу, сам знаешь.

Гарри согласился, потому что ни в чём не мог отказать Джеку и потому что почувствовал лёгкий укор совести от того, что и не заметил, как прошёл год траура. Он остался верен своим привычкам, но надел летний костюм и синий галстук; даже в этой неброской одежде ему казалось, что, идя по Грин-Парк и Сент-Джеймс, он притягивает взгляды. Он пообедал в клубе чуть раньше обычного, чтобы вовремя встретиться с Джеком. Миссис Уэллс жила в восточной части, неподалёку от Темзы, возле Туикенема, так что пришлось садиться на поезд у Ватерлоо, что ощущалось как целое путешествие, и Гарри понемногу овладело праздничное настроение. Пока Джек рассказывал ему всё, что знает о людях, к которым они собрались, Гарри думал, что брат, защитником которого он всегда себя считал, в свою очередь, думает, что оберегает его. Джеку, должно быть, он кажется довольно жалким существом, своего рода затворником.

Миссис Уэллс была вдовой адвоката, жившей на собственные средства, матерью троих взрослых сыновей и шестерых дочерей. Два старших сына пошли по стопам отца и занимались юриспруденцией, младший стал инспектором и жил в Африке. Девушка, с которой познакомился Джек, – Джорджина, вторая по старшинству.

– А для меня ты, конечно, приберёг самую старшую? С рыжими волосами и усами?

– Я тебя умоляю, – ответил Джек, глядя в окно на чёрные стены домов, мимо которых они проезжали. – Мне достоверно сообщили, что у неё вообще никаких волос нет.

Выйти на станцию Строберри-Хилл было всё равно что оказаться в деревне. Повсюду зелень, птичьи трели, почти никакого движения. Сверившись с карманным путеводителем Бутса, Джек спустился с платформы, прошёл железнодорожный переезд и длинный ряд очаровательных вилл, прежде чем выйти к улице, носившей нелепое называние Строберри-вейл[5 - Буквально – Клубничная долина.], на которой жила миссис Уэллс.

– Кажется, Поуп жил где-то рядом, нет? – поинтересовался Гарри, окинув беглым взглядом реку за деревьями.

– Кто?

– Забыл? Ну, поэт. Мы проходили его стихи в школе.

Вилла Ма Турейн была красивым домом, но не таким новым, как маленькие домики, рассыпанные по обеим её сторонам. Аккуратно подстриженная живая изгородь отделяла его от дороги. Справа располагались маленькие стойла; заглянув туда по наитию, Джек убедился, что они пустуют. Послышались смешки; Гарри поднял глаза и увидел, что из открытого окна второго этажа их разглядывают трое детей. Он поднял шляпу, что вызвало ещё больше смеха, а за этим последовал сухой выговор женщины, после чего три головы в окне исчезли.

Можно было предположить, что мать такого семейства будет высокой, с диктаторскими замашками, но миссис Уэллс оказалась очень маленького роста, меньше пяти футов. На ней было элегантное платье из тёмно-фиолетового шёлка, зашуршавшее, когда она поднялась из-за чайного столика, чтобы поприветствовать гостей. Она не носила траура, как пристало вдове, но резкая серебристая прядь в каштановых волосах казалась маленькой короной, придававшей её облику удивительное достоинство, так же как и связка ключей, висевшая у неё на поясе на цепочке из чёрного стекляруса.

Она представила их заглянувшей в гости соседке, которая поболтала с ними о тёплой погоде и прелестных садах вокруг дома, сбегавших к реке и маленькой пристани, а миссис Уэллс тем временем прошла по коридору в другую комнату, чтобы позвать девушек.

Оттуда донёсся приглушённый разговор; в голосе миссис Уэллс появились суровые нотки. Сразу же после того, как вернулась хозяйка, гостья заторопилась домой, заявив, что она живёт всего в двух улицах отсюда и очень часто видится с Эстерваной. Миссис Уэллс разлила чай, предложила гостям пирожные и сообщила, что дочери вскоре присоединятся к ним, но только Винифред немного застенчива.

– Как и я, – признался Гарри.

– О, – сказала она, обескураженная его откровенностью, – это так мило. Немногие мужчины в этом признаются. Мой покойный муж вёл себя с нами, как настоящий тиран, и, боюсь, поэтому дети стали запуганными. Да и я тоже! – она коротко рассмеялась. – Только Джорджина умела постоять за себя, и он, конечно, любил её больше всех. Винифред больше пошла в меня, но талантливее.

На веранде послышался стук, как будто уронили игрушку, и снова захихикали.

– Простите, – пробормотала миссис Уэллс и вернулась в зал. Поймав взгляд Гарри, Джек подмигнул – один из множества фокусов, которые самому Гарри никогда не удавались.

– Мадам Вейнс, – позвала миссис Уэллс деликатным тоном, в котором слабо звучали стальные нотки, – не могли бы вы, гм, s’il vous pla?t?[6 - Пожалуйста (фр.).]

Тут же раздались хлопок в ладоши, отрывистая фраза на французском и топот маленьких ножек, сбегавших вниз по лестнице.

– Прошу прощения, – продолжала миссис Уэллс, – это мои младшие. Любопытны и любят разглядывать гостей. У мадам Вейнс так много забот, что она попросту не справляется. Мы подумываем отправить двух постарше в Бельгию, чтобы их воспитали в монастыре.

– Разве вы католики?

– Боже упаси! Просто монахиням хорошо удаётся придать девочкам je ne sais quoi[7 - Нечто особенное (фр.).]. К тому же я опасаюсь, что в такой большой семье старшие дети могут ослабеть от постоянной усталости, а младшие – сделаться…

– Неуправляемыми? – с улыбкой предположил Джек.

– Слишком самонадеянными. О! Te voici, Georgette[8 - Вот и ты, Жоржетта (фр.).]. С мистером Джеком Зоунтом ты, конечно, уже знакома. Это его старший брат,

Гарри. А вот наконец и моя Винифред.

Прямо как главная и второстепенная парочки в комедии, подумал Гарри, – двое тёмненьких, двое светленьких. Однако, к его удивлению, оказалось, что внимание Джека привлекла брюнетка, красота которой была несколько мужеподобна. Но она была полна уверенности в себе и обаяния, как и Джек.

– Простите, что так долго, – с улыбкой сказала Джорджина. – Я дважды заставила Винни сменить платье, а потом она увидела на моём пятно от травы, так что мне тоже пришлось переодеться. Думаю, вы оба уже напились маминого чая. Может быть, позволите пригласить вас на прогулку по саду?

– Прекрасная идея, – заметила миссис Уэллс. – Но если решите покататься на лодках, предоставь, пожалуйста, грести джентльменам, – она чуть дотронулась до руки Гарри. – Братья поддерживали интерес Джорджи к спорту, и, боюсь, она стала слишком неуступчива.

– Мама имеет в виду, что Джорджи любит командовать, – тихо сказала Винифред и опустила голову.

– А вы грести не любите? – спросил Гарри, шагнув чуть в сторону, чтобы она прошла вперёд мимо французских окон вслед за парочкой, поспешившей к выходу.

– Не особенно. Ну, я имею в виду, что пыталась, но лодка плавает по кругу, и все надо мной смеются.

Он вздрогнул.

– Просто ужасно, когда над вами смеются. Люди думают, что все обязаны быть хорошими спортсменами, но их смех недружелюбен, и к нему никак не привыкнешь. Во всяком случае, я не смог.

– Значит, вы тоже грести не любите? – спросила она.

– Ну, я вообще мало что люблю. Езжу верхом. Хожу пешком. Мне нравится ходить пешком.

– И мне.

Они решили побродить – очень медленно – по хорошенькому саду на берегу реки, а тем временем Джек и Джорджина, хохоча, отвязали одну из весельных лодок, пришвартованных по другую сторону площадки, и рванули на ней в сторону поросшего тростником острова неподалёку. Собственно говоря, подумал Гарри, все они должны были находиться на таком расстоянии, чтобы слышать разговоры друг друга; эта вольность, граничащая с грубостью, противоречила порядкам, принятым в светском обществе Мейфера[9 - Фешенебельный район Лондона.]. По крайней мере, миссис Уэллс проследовала за ними на террасу, где, сидя в тени голубого навеса, свисавшего с задней стороны дома, делала вид, будто с помощью ножниц приводит в порядок растущие поблизости розы.

– Какое красивое место, – сказал он. – Вы всегда здесь жили?

– Всю свою жизнь, – ответила Винифред. – Думаю, отцу нравилось, что мы не торчим у него на виду. Мой брат Барри – Баррингтон – называет это место девичьим монастырём.

– А вам никогда не хотелось вырваться?

– Прошу прощения?

– Монахини, они ведь часто ощущают себя взаперти и хотят вырваться на свободу.

– Правда? А я им завидую. – Она поймала его вопросительный взгляд. – Ведь здесь не всегда так тихо. Просто сейчас мальчики работают, а девочки занимаются с мисс Вейнс в классной комнате. Но бывают дни, когда мне кажется, что было бы чудесно оказаться в уединении монашеской кельи.

– Бог ты мой, – сказал он с напускной серьёзностью, и она улыбнулась, но так печально, что вряд ли можно было назвать это улыбкой.

Дойдя до железной скамейки в золотистой тени плакучей ивы, они сочли её подходящим местом, чтобы отдохнуть, и уселись. Винифред смотрела, как Джорджи гребёт, и это, в свою очередь, позволяло Гарри смотреть на Винифред.

Она была довольно хорошенькой, подумал он: светлые волосы, заколотые в небрежную причёску, на которую, несомненно, ушло не меньше часа, ярко-синие глаза, бледная кожа. Она была очень тихой, даже грустной, но в её словах проскальзывала лёгкая, печальная ирония – та разновидность юмора, которую он любил больше всего.

– Боюсь, со мной в компании не особенно интересно, – сказал он наконец, потому что заметил, как миссис Уэллс бросает в их сторону встревоженные взгляды.

– Нет, нет, – заверила Винифред, вновь повернувшись к нему. – Вы… просто я – никуда не годный собеседник. Обычно слушаю, а не говорю.

– Как и я. Вы волнуетесь за сестру? Я хочу сказать, близость к воде и…

– За Джорджи? Ну что вы. Она превосходно плавает. Когда мы были маленькими, отец развлекался тем, что бросал ей палки в воду, как собаке, и она приносила.

– Ваша мама сказала, что только Джорджина могла дать ему отпор.

– Это так. Её трудно напугать.

– А он был таким пугающим?

– Ещё бы! Когда мы слышали, как его ключ поворачивается в замочной скважине, мы все бежали наверх.

– Как монахини?

– Ну, наверное. Только я не думаю, что монахиням разрешается бегать. Бедную маму он доводил так, что у неё сердце колотилось.

– Но всё-таки их брак был счастливым.

– Честно говоря, нет. Просто… плодовитый. За все годы совместной жизни он только раз вывел её в свет.

– Быть не может!

– Честное слово. Он любил, чтобы она рассказывала эту историю, и всегда смеялся. Один-единственный раз в жизни она надела своё самое красивое платье, и он вывел её в свет. Они пошли в театр, потом заказали в ресторане лобстера и шампанское, а когда вышли оттуда, небо на востоке загорелось ярко-ярко. Думаю, просто солнце садилось, но он, показав на него пальцем, воскликнул: «Смотри, дорогая! Это, наверное, наши херувимчики горят в своих кроватках!» Она так испугалась, она потребовала немедленно нанять экипаж и умчалась домой, а он тем временем отправился в клуб к друзьям. Думаю, это был своего рода урок, и с тех пор он больше ни разу никуда с ней не ходил, а она не просила куда-нибудь её сводить. Она называла его светским ангелом – милый и доброжелательный с друзьями и посетителями, а дома – настоящий тиран.

– Как это ужасно!

– Что вы, всё было совсем не так плохо. В конце концов, нам жилось спокойно. Он никогда не кричал на нас, не бил. Просто у него был злой язык. Ну ладно, братьев он, случалось, бил.

– Как вы думаете, зачем он женился, если ему так не нравилась семейная жизнь?

– Думаю, этим она ему и нравилась; она раздувала его чувство собственной значимости. И потом, он женился по любви. Мама была настоящей красавицей. Конечно, он хотел сыновей, чтобы передать им дела, и ему нравилось, когда мы все вместе ходили в церковь. Нравилось, что мы занимаем две скамьи.

– Настоящий глава семьи.

Она печально кивнула.

– Да, самое подходящее слово.

– Ваши братья пошли в отца?

– Боб, – ответила она без промедления, так что Гарри сразу же забеспокоился, не появится ли этот Боб. Внезапно она сказала: – Нам нужно позвать Джорджи. Сегодня солнечно, а она без шляпы, так что загорит, как подёнщица.

Джек и Джорджи отлично проводили время наедине. Теперь он грёб, а она болтала рукой в воде. Она что-то сказала, и Джек так расхохотался, что ему пришлось опустить вёсла. Они казались картинкой, живым воплощением современного счастья: беспечные, раскованные, явно в своей тарелке, так что Гарри почувствовал себя так, будто явился сюда из прошлого века. Возможно, не красота притягивает мужчин к женщинам, и наоборот, а умение рассмешить? Гарри изобразил, будто надевает шляпу, и указал на Джорджи, но Джек сделал вид, что ничего не понял, и несколькими ещё более сложными жестами в свою очередь заставил хохотать свою спутницу.

– Он хотя бы иногда делает, как ему говорят? – спросила Винифред таким тоном, что Гарри задумался – уж не хотела бы она оказаться в этой лодке вместо сестры?

– Не особенно часто, – признал он и был удостоен ещё одной грустной полуулыбки.

– Трудно быть старшим, – сказала она.

– На примере Джорджи мы видим обратное.

– Не кокетничайте, – парировала она, – это вам не идёт.

– Простите. Ваша мама сказала, что вы застенчивы, но вы не кажетесь…

– Я смущаюсь в больших компаниях. Просто ужасно смущаюсь в больших компаниях, а в семье наподобие нашей чувствуешь себя именно так. Всегда.

– Ну, а я смущаюсь даже наедине с собой. Бывают дни, когда я вообще ни с кем не разговариваю.

– Как это прекрасно!

– Удивительно, как мало нужно слов, чтобы выразить свои чувства.

– Вы когда-нибудь мечтали стать невидимым? – спросила она.

– Часто! Чтобы остаться совсем одному.

– Именно! – Она хлопнула в ладоши. – Некоторые люди мечтают об этом, чтобы ограбить ювелирную мастерскую или картинную галерею, но я бы просто сидела в своей комнате с книжкой, и всё.

Он был поражён тем, как близки её слова оказались его собственным чувствам, и, убедившись, что оба предпочитают тишину, они ушли подальше от счастливой парочки и молча бродили по саду, иногда останавливаясь, чтобы понаблюдать, как шмель кружит над колокольчиками наперстянки или как певчий дрозд терзает червяка.

Миссис Уэллс встретила их лимонадом и пирожными, будто в мире не было ничего естественнее, как на полчаса оставить свою дочь наедине с незнакомцем.

– Патти выразила желание спуститься вниз и спеть для вас. Патти – моя третья дочка, мистер Зоунт. Воображает себя актрисой. Не сердись, – сказала она Винифред в ответ на её тяжёлый вздох. – Я сказала ей, что споёт в другой раз. Поддерживать начинающий талант, конечно, очень важно, но как бы не зашло слишком далеко. А вот и наши спортсмены!

Джек, как маленький мальчик, чуял сладости. Если я не хочу есть, говорил он, то я или болен, или сплю. Он всё-таки уговорил свою спутницу надеть головной убор, чтобы избежать выговора, и теперь, в соломенной шляпке с синими лентами, она казалась почти чопорной.

– Замечательный день, – сказал Гарри, обращаясь к миссис Уэллс.

– Надеюсь, вы ещё к нам заглянете, – ответила она, протягивая ему маленькую сухую руку. – Может быть, пообедаете с нами, познакомитесь с мальчиками? При Роберте мы все будем стараться хорошо себя вести.

– Было бы просто изумительно! – воскликнул Джек.

Гарри попытался поймать взгляд Винифред, но она сосредоточенно разглядывала крошки на блюдце. Он подумал, что для неё, такой стеснительной, эти обеды – воплощение зла.

– До свидания, мисс Уэллс, – сказал он. Винифред подняла глаза, печально улыбнулась и подала ему руку.

– До свидания, мистер Зоунт, – ответила она. Джорджи в ответ на эти формальности присела перед Джеком в глубоком реверансе, и все рассмеялись.

Глава 4

Вскоре миссис Уэллс пригласила Гарри и Джека на обед, где им предстояло познакомиться с двумя братьями из трёх.

Роберт, самый старший, возможно, красивый, если бы не его неприятно густая борода, был склонен к высокопарной хвастливости глупого человека, возомнившего себя умным. Фрэнк, младше на шесть лет, успешно отстоял право сделаться вторым партнёром после смерти отца. Он говорил тихо, был наблюдателен, но ему явно не хватало навыков поведения, и общение с ним, честно говоря, пугало. Винифред предупредила Гарри, что Фрэнк очень умён. Конечно, к семье, где родился и вырос, он относился с разочарованным пренебрежением. Гарри был рад, что между ними сидела дружелюбная супруга пастора.

По левую руку Гарри расположилась миссис Уэллс, с мягким любопытством расспрашивавшая его о родственниках со стороны матери и немного встревоженно – об отце. По оплошности или из озорства Винифред она посадила напротив, так что Гарри мог восхищаться красотой девушки, но не мог с ней заговорить. Он начал понимать, что миссис Уэллс умеет и любит манипулировать людьми.

– Миссис Уэллс говорила, вы выросли в небольшой семье, – сказала жена пастора.

– Да, – ответил Гарри, – только я и брат.

– Я была единственным ребёнком, – она вздохнула. – Отношения между членами большой семьи для нас – загадка. Мы не всегда правильно понимаем, как они влияют друг на друга. И ещё мы, конечно, рискуем слишком сильно привязаться.

– К чему?

– К тем, кого мы любим! Те же, кто вырос в большой семье, больше всего на свете ценят свободу и личное пространство. Уж я-то знаю; отец моего Бенедикта был настоящим мистером Куиверфулом.

– Кем, простите?

– Был такой персонаж из книги Троллопа[10 - Имеется в виду роман «Барчестерские башни» Антони Троллопа (1815–1882).], у которого полным-полно детей. Я говорю Бенедикту, что лучше бы ему было выбрать жену поспокойнее, а он мне отвечает, что ещё не поздно. Ой! Обед уже кончился, а мы только начали такой интересный разговор!

Правильно истолковав намёк хозяйки, она поднялась, он, конечно, тоже; чуть улыбнувшись ему, она вышла из комнаты вслед за другими дамами. Пятеро мужчин сидели молча, пока в передней звучали разговоры и смех женщин, затем переместившихся в гостиную.

Гарри казалось, что сигары на вкус отдают чем-то мясным и мертвечиной, а от портвейна у него, как обычно, разболелась голова, потому что от волнения и из вежливости он пил его как воду. Уже не в первый раз за вечер он ощутил малодушное желание выбежать отсюда вслед за дамами.

Ему хватило мужества отмахнуться от сигары, предложенной Робертом; выбрав меньшее из зол, он собирался налить себе маленький стаканчик портвейна, решив не притрагиваться к нему, чтобы не напиться ещё сильнее, но тут Фрэнк сказал:

– Может, выпьете со мной скотча? От портвейна у меня всегда голова трещит. Скверный напиток, скажу я вам. Как испорченное вино. Всегда был на стороне виски.

– Хорошо, – сказал Гарри, – выпью. Спасибо, – и, довольный, что ему удалось выговорить «Р», передал бокал с портвейном Роберту, недовольно фыркнувшему. Может быть, виски дороже стоит? Гарри не знал.

– Рад наконец встретить знаменитых братьев Зоунтов, – сказал Роберт. – Девчонки, кроме вас, ни о чём другом и говорить не желают.

– Вам, должно быть, это ужасно надоело, – сказал Гарри, точнее, хотел сказать, но заметил, что Роберт пытается поддеть его в той же манере, в какой всегда поддевал главный задира Харроу, о котором он не вспоминал до этого момента, поэтому ему удалось выговорить только «вам-вам-вам…». Привыкший к такому положению дел Джек тут же пришёл на помощь.

– Вам, должно быть, очень приятно видеть, какие мы обыкновенные. Отличная сигара, – прибавил он. – Кубинские? Гарри мне такие дома курить не разрешает, – он знал, что проще всего вывести Гарри из ступора, задев его чувства некорректным или несправедливым утверждением.

– Только потому что при доходах студента такая роскошь непозволительна, – сказал Гарри без малейшего заикания.

– Трогательно, что вы так заботитесь о благосостоянии младшего брата, – сказал пастор. Он не стал отказываться ни от сигары, ни от портвейна, но сигару приберёг на потом. – Джек рассказал мне, что вы были ему как отец.

– Конечно, сэр – и, уверен, наш хозяин согласится, – старший брат всегда несёт некую ответственность.

– Ха, – сказал Роберт Уэллс.

– Простите за любопытство, но меня всегда интересовали случаи наподобие вашего. Моя жена говорит, я мог бы стать писателем, но, боюсь, для этого мне недостаёт лёгкости. Если вы всё своё детство только и делали, что старались

удержать Джека в узде, то кто же присматривал за вами?

Гарри был симпатичен пастор, как была симпатична его жена. Он совсем не походил на префекта – такое простое, доброе лицо.

– Ну… Джек, конечно, – ответил он, и оба рассмеялись.

– За Гарри нужен глаз да глаз, – добавил Джек.

Роберт Уэллс был из тех людей, что никогда не оставляют вопрос неотвеченным, а разговор – неоконченным.

– Они из Африки, – резко сказал он Джеку. – Их присылает наш брат Баррингтон. На вкус напоминают кубинские, но значительно дешевле и выращены в империи.

Гарри внезапно забеспокоился, что Фрэнк сейчас заговорит о чём-то личном.

– Вы всегда так заикались? – тихо спросил он.

– Абсолютно, – ответил Гарри, уйдя от необходимости начинать фразу с согласной. – Это случается время от времени. И, к сожалению, часто бывает в общении с незнакомцами.

Он представил себе Фрэнка, мучающего птиц в клетках из чисто научного интереса.

– Забавно. Винни об этом не говорила.

– С ней я не нервничал, – сказал Гарри, и Роберт заржал.

– Это в твой огород, Фрэнк. Может, она не говорила и о том, что её братья такие грубые? А?

В комнате напротив кто-то заиграл на пианино, и Роберт тяжело вздохнул.

– Думаю, это намёк, что нас ждут дивные наслаждения.

– Не могу пропустить игру крестницы, – сказал пастор, – я дал молчаливый обет.

– Винифред – ваша крестница? – спросил Гарри.

– Нет, нет. Не Винифред, а Патрисия. Думаю, она попросила разрешения спуститься, чтобы порадовать нас.

– В разрешениях она не нуждается, – заметил Фрэнк, когда они, неохотно вынув изо рта сигары, поднялись из-за стола.

– Боюсь, мы незнакомы с Патрисией, – сказал Гарри.

– Ну, все знакомятся с Патти почти сразу, – ответил Роберт. – Как там говорит мамзель Вейнс?

– Миис Паати – аг’тистическая натуг’а, – сказал Фрэнк.

Они прошли переднюю; издалека, с кухни, слышался звон тарелок, из полумрака лестничной площадки – уже знакомое хихиканье. Гарри заметил, как Роберт поднимает глаза вверх, в шутку изображая бешенство, а потом ухмыляется и делает вид, будто наставляет на сестёр ружьё. Стать главой такого семейства в двадцать с небольшим, или сколько ему там было, когда умер Роберт Уэллс-старший, – это кого угодно превратит в чудовище. Помпезность. Суровость. Снобизм. Всё это были маски, за которыми скрывался страх. Видеть, как его вытесняет младший, более умный брат, прятавшийся за непритязательной ролью второго партнёра, было ещё тяжелее. Гарри решил, что в дальнейшем не будет судить его так строго.

После довольно сдержанных красок обеденного зала – полированное красное дерево, тёмные стены, непроглядные, покрытые тёмным лаком картины – гостиная казалась такой же полной женственности, как платье, висящее возле фрака – кругом кружева, цветы и зеркала. Миссис Уэллс и жена пастора сидели на диване нос к носу. На соседнем диване Джорджи листала нотную тетрадь. Девушка, у которой были округлые плечи и тёмные волосы, густым каскадом спадавшие на спину, играла на пианино. Гарри заметил то, на что не обратил внимания в прошлый раз: длинный ряд детских портретов в рамочках вдоль беломраморной каминной полки, галерею плодовитости миссис Уэллс. В углу

рамки десятого портрета шла чёрная бархатная ленточка.

Винифред, как оказалось, наблюдала за ними с веранды, куда, вероятно, вышла подышать свежим воздухом, потому что в комнате было жарко и душно, как в парнике. Когда вошли мужчины, она вернулась в комнату и без улыбки подала им кофе в маленьких чашечках. Джек уселся на диван рядом с Джорджи, пастор подошёл выразить восхищение своей крестнице у пианино, а Уэллсы, избавленные наконец от необходимости развлекать гостей, направились на веранду, где вскоре снова зажгли сигары.

Гарри остался стоять рядом с Винифред, которая немного раскраснелась, но от неё приятно пахло розами.

– Вы нам споёте? – спросил он. Игра на пианино подошла к концу, и речь зашла о песнях.

– Нет, что вы! У меня совсем нет слуха. Выступать будет Патти. Тсс! Сейчас.

Повернувшись, он увидел, что Джорджи перебралась за пианино, а девушка, до этого сидевшая к нему спиной, прислонилась к изгибу инструмента, вытянув одну руку вдоль – жест, полный артистизма.

Если Джорджи была несколько мужеподобной, а Винифред – хорошенькой, то Патти оказалась просто ослепительно красива. Огромные зелёные глаза, губы цвета свежих фруктов и фигура, которая, родись она в бедной семье, помогла бы ей продать что угодно, от корсетов до мыла. Он не слышал слов песни – какая-то чепуха про стены обители и шёпот медлительный, – но, пока она длилась, не мог заставить себя перевести взгляд на что-нибудь другое.

Она была полна потрясающего магнетизма, как пантера.

Когда она станет достаточно взрослой, чтобы носить высокую причёску – а это случится считаные месяцы спустя, – она будет держаться как королева. Ничего удивительного, что её крёстный отец, не имевший своих детей, был так ей одурманен, а мать так настаивала, чтобы отдать её на воспитание монахиням.

Когда песня закончилась, все похлопали, а Патти сделала реверанс и покорно опустилась на скамеечку у ног матери, Гарри повернулся к Винифред и с удивлением увидел на её милом лице выражение неясной печали. Она легко смахнула это выражение, как горничная смахивает паутину, но именно в тот момент он решил сделать всё, что в его силах, чтобы она была счастлива.

Глава 5

Больше всего в их маленьком домике в Херн-Бэй Гарри нравилось завтракать. С одной стороны дома располагалась оранжерея с видом прямо на море. Винни посадила там несколько папоротников и пальм и полушутя называла её зимним садом. Даже в холодные месяцы здесь было просто прекрасно встречать новый день, поэтому каждое утро их ожидал здесь накрытый столик. По утрам у Винни было плохое настроение, хотя она никогда этого не показывала. И если уж на то пошло, такой расклад вполне устраивал Гарри, потому что по утрам он был молчалив. (Одна из нескольких причин, по которым они поняли, что подходят друг другу, – возможность для каждого из них побыть наедине с собой, не оскорбив другого и будучи уверенным, что он не воспримет молчание как обиду.)

Как все любители писать письма, она получала множество ответов. Она читала их за завтраком, методично открывая каждый конверт ножом, ещё не вымазанным в масле, и через час или два после завтрака возвращалась за свой маленький столик, чтобы ответить, пока мысли ещё свежи.

Он тоже писал письма, но только одному Джеку. Братьям редко удавалось выдать хотя бы по письму в неделю. Поэтому обычно горничная клала с той стороны обеденного стола, где сидел Гарри, только газету.

В то утро Винни спустилась вниз раньше него, чему он удивился, потому что ночью им не удалось выспаться ввиду нежелания ребёнка, разбуженного зубной болью, снова уснуть, и Гарри счёл, что она захочет провести лишний час в постели и, может быть, даже попросит принести завтрак туда.

– Доброе утро, милая, – сказал он и поцеловал руку, которую она протянула ему, читая письмо Патти из Льежа.

Вверху стопки лежало письма, предназначенное Гарри и подписанное незнакомым почерком. Он открыл его, когда горничная внесла копчёную лососину и тосты. Письмо было от брата Винни, Фрэнка Бескровного, как за глаза окрестил его Джек, что стало причиной ссоры с Джорджи, вопреки всему, очень высоко ценившей умственные способности брата. Фрэнк писал на казённой бумаге, содержание было настолько же поразительно, насколько немногословно.

Я должен обсудить с тобой неотложный вопрос. Я приеду в Херн-Бэй сегодня утром, чуть после одиннадцати. Винифред, пожалуйста, ни слова. Сразу же после этого я вернусь в город.

Гарри засунул письмо под газету, но Винифред уже разглядела почерк.

– У Фрэнка всё в порядке? – спросила она.

– Ну, ты же знаешь Фрэнка. Он никогда не скажет. Так, скучный вопрос по поводу денег.

Облегчение, которое испытала Винифред, вырвавшись из дома, где бо?льшая часть напряжённых вопросов, беспокоивших всех, но никогда не обсуждавшихся, касалась денег, и оказавшись там, где эти вопросы попросту никогда не поднимались, было ещё слишком сильно, поэтому он знал, что легко сможет отвлечь её от этой темы. Она сказала только «Угу» и взяла ещё кусочек тоста, которым очаровательно прикрыла неглубокий зевок. Увидев, что Гарри заметил это движение, она посмотрела на него, от удовольствия прищурив глаза.

– Бедняжка, – сказал он, – ну и ночка же выдалась.

– Это я виновата, – сказала она. – Надо было отправить к ней няню – в конце концов, для этого они и нужны, – но, когда я просыпаюсь и слышу её плач, я уже ничего не могу с собой поделать. Няня сегодня отправится с ней на отличную утомительную прогулку по побережью.

Винифред всегда хотела жить у моря, что было удобнее и намного дешевле, чем поселиться в центре города. После нескольких визитов туда, куда советовали то сёстры, то мать, они сняли дом в Херн-Бэй. Затем началась настоящая вакханалия покупок. Вопрос денег никогда не обсуждался, но Гарри он никогда и не беспокоил так, как теперь, когда они с удивительной быстротой уплывали у него из рук.

Они поженились в Туикенеме; венчал их тот пастор, с которым Гарри познакомился на первом из множества семейных обедов. Винни настояла, что сама сошьёт свадебное платье – оказалось, что она обладает большим талантом и вкусом по этой части и бо?льшую часть собственных нарядов и нарядов сестёр сшила сама.

Медовый месяц прошёл в Венеции, где они прилежно изучали путеводитель и за три недели увидели больше соборов и картин, чем оба видели за всю свою жизнь до этого. Много времени они проводили и на одном месте, потому что Винни была старательной акварелисткой. Их окружала такая нелепая, экзотическая красота, такие очаровательные, не скрывавшие своей чувственности местные жители, что, по праву, здесь было идеальное место для праздника любви.

Но с той самой минуты, как родственники Винни шумно проводили их на поезд, отправлявшийся от Виктории, а Джек пробежал мимо окон, выкрикивая бесцеремонные пожелания, и они остались наконец совершенно одни, между ними нависло напряжение. Когда Гарри тянулся к ней, она принимала его поцелуи покорно, но так равнодушно, что он утратил всякую решимость, сочтя, что ей это неприятно. Он боялся вновь увидеть её несчастной и ещё больше боялся стать тому причиной.

На свежем воздухе, на площадях, на мостах, в извилистых переулках, она брала его под руку или даже за руку. Положила голову ему на плечо, когда их фотографировали в окружении голубей на площади Святого Марка. Всё это, казалось, ей нравилось; но стоило им остаться наедине, на неё словно находила чёрная туча, и Гарри смутно чувствовал свою вину.

Потом выдался особенно хороший день, первый, когда они решили обойтись без экскурсий. Ветер стих, было слишком знойно, чтобы гулять, и целый день они провели возле своей гостиницы в Лидо, купались, читали, наблюдали за парочками, тихо разговаривали ни о чём и лакомились угощениями, которые им приносил отечески добродушный официант. Она выпила чуть больше

привычного бокала вина за ужином и неожиданно решила выговориться.

В двух словах, она была влюблена в другого, некоего Тома Уайтакра. Он был школьным приятелем Роберта и Фрэнка, поэтому много времени проводил у них дома и, взрослея вместе с ней, стал для неё тоже чуть ли не братом. Но не совсем. Выйти за него ей не разрешили. Братья сочли, что он недостаточно хорош. Доход ему приносил универсальный магазин, носивший его имя, что слишком явно указывало на его род занятий.

– Но ведь и мне приносит доход торговля, – удивился Гарри, с трудом веря, что они обсуждают эту тему в обеденном зале гостиницы, пока люди справа и слева от них болтают и смеются. – Чем омнибусы лучше универсального магазина? Я думал, это ещё хуже.

Оказалось, разница существенная, потому что отец Гарри умер и потому что омнибусы, в отличие от магазина, не носят его имени. Кроме того, впоследствии она поняла, что позорное пятно на деньгах Тома стало лишь предлогом – настоящей противницей брака выступила её мать, которая, хотя и рада была видеть Тома Уайтакра сидящим на диване в гостиной, замечала в нём достаточно склонностей, от которых его спасали её сыновья, чтобы понять, что он слишком напоминает её покойного мужа – домашний тиран и, возможно, так же волочится за каждой юбкой.

– А теперь я всё испортила, признавшись тебе, – сказала Винни, едва не смеясь от облегчения, что наконец сбросила камень с души. – Можешь отправить меня домой завтра же, первым утренним поездом, и быть благодарным за потраченное время.

– Выходит, ты совсем меня не любишь? – спросил он, когда официант принёс им по маленькому щербету в кожуре лимона.

– Что ты! – воскликнула она, явно поражённая. – Я очень тебя люблю. Просто я… я любила его до тебя и, ну… иначе.

– Больше?

– Нет.

– Но?..

– Да, – ответила она. – «Но». Неужели ты не в бешенстве? Большинство мужчин пришли бы в бешенство. Я никому об этом не говорила, только тебе.

Но, внимательно прислушавшись к своим чувствам, Гарри понял, что не ощущает злости, только жалость к ней, жалость, что ей пришлось всё это пережить, и мрачное удивление, что её добропорядочная семья обвела его вокруг пальца.

Той ночью она наконец отдалась ему, расслабившись, может быть, благодаря алкоголю, но больше – от облегчения, что во всём призналась. Он был совершенно неопытен, в отличие, надо полагать, от Джека и, несомненно, от своего таинственного соперника Тома Уайтакра, но оказалось проще, чем он опасался. Поначалу неловкие, постепенно они оба, что называется, раскрепостились. Путеводитель, заброшенный, лежал на балконе, и никто больше к нему не возвращался. Гарри сомневался, что сумел вытеснить из её памяти все мысли о Томе Уайтакре, несомненно, носившем очарование запретного плода, но с ним она краснела, и ахала, и хихикала, и улыбалась уже безо всякой грусти, которую он в те дни, когда ухаживал за ней, по наивности принял за неизменное выражение её лица.

Прежде чем они отправились домой, он купил для неё жемчужное ожерелье и наедине с ней, застёгивая замочек на её хорошенькой шейке, почувствовал себя женатым куда более явно, чем в день, когда при свидетелях надел ей на палец кольцо. К тому времени, как они вернулись поездом в Викторию, она уже была в положении и сообщила ему радостную новость, как только новый доктор в Херн-Бэй это подтвердил.

В собственном доме Винифред расцвела. Ей больше не досаждала постоянная шумная компания. Она наслаждалась морем. Она читала. Она гуляла. Она рисовала. Жизнь они вели довольно скромную, наняли только горничную и нянечку. Каждый день приходили повар и девушка, выполнявшая грубую работу. Гарри и Винни подружились с доктором и его женой, научившими их играть в бридж. Ещё ходили в церковь, пусть и не особенно часто.

В целом Гарри вёл прежнюю холостяцкую жизнь, по-прежнему читая, гуляя, посещая библиотеку, катаясь верхом. Единственное, чего ему не хватало, – бань на Джермин-стрит. Он посетил местные, где предлагались те же услуги, но из

женской половины здания постоянно доносилась болтовня, и самому зданию не хватало экзотического шарма и мрачного очарования лондонских бань. Во время прогулок верхом – которые часто затягивались часа на три, если он отправлялся к далёкому острову, – он рассматривал местные фермы и понемногу понял, что питает фантазии о фермерстве. Занятия на свежем воздухе и простые обязанности сильно манили его, но он не знал, с чего начать, и в конце концов решил, что фермером нужно родиться. Его дед со стороны матери был близок к земле, но он родился, чтобы работать с ней, а не на ней; он не делал ничего, чтобы расширять акры, доверив это управляющим, посредникам и арендатором.

Гарри начинал чувствовать себя бесполезным. Прогуливаясь взад-вперёд по маршрутам маленького города, до часовой башни и обратно или вдоль пристани, он замечал взгляды мужчин и женщин, скользившие по нему, словно он был инвалидом. Херн-Бэй был весьма популярен среди молодых родителей, за что его прозвали Беби-Бэйн, и во время полуденных прогулок по Саус-Парад ему то и дело приходилось пробираться сквозь толпы нянечек и гувернанток, толкавших коляски или контролирующих неуклюжие шаги маленьких человечков. В воплях детей, играющих на каменистом побережье, ему слышались насмешки. Вот идёт лентяй! Бесполезный человек!

Он немного посидел в оранжерее, внимательно изучая газету; Винифред тем временем вернулась за свой рабочий стол, а горничная принялась убирать со стола. Потом, поднявшись, он быстро зашагал на другой конец набережной, чтобы оттуда пройти на станцию. Он всегда приходил рано – такова была его привычка. Ожидая поезда из Лондона, он ощутил нечто наподобие родственных чувств.

Он по-прежнему не испытывал теплоты к Роберту и до сих пор не познакомился с таинственным Баррингтоном, но по прошествии нескольких месяцев начал осознавать, что почти полюбил Фрэнка. Фрэнка Бескровного. Фрэнк со стыда сгорел бы, услышав это прозвище. Гарри жалел его. Всегда находясь в окружении людей настолько глупее него, он, должно быть, чувствовал себя представителем иной расы, даже иного вида. То, что Гарри вначале принял за холодность, на поверку оказалось нелепым сочетанием терпеливости, непонимания и ужасной неловкости. Фрэнк мог просклонять сколько угодно греческих глаголов и с ходу выпалить ряд неделимых чисел, но не мог предвидеть нелогичного хода разговора обычных людей, поэтому всегда казался им странным, что ещё больше усугубляла неспособность смолчать, когда того требовала элементарная вежливость, или поговорить о чём-то незначительном,

чтобы собеседник расслабился. Гарри был застенчив, а Фрэнк – неловок; по мнению Гарри, в этом заключалось некое родство. Фрэнк, по всей видимости, тоже это почувствовал и в свою очередь стал теплее относиться к Гарри, но проявлял это в своей нелепой, колючей манере. Спустя пару недель после помолвки с Винни Гарри удостоился чести посетить контору Фрэнка, по официальной версии – чтобы пообедать с Фрэнком (Роберт уехал в деревню по делам), но на самом деле – чтобы с обескураживающей откровенностью обсудить вопрос денег.

Друг из Сити рассказал Фрэнку о компании, которую вот-вот откроют; он точно знал – дело верное. Он уже вложил туда кое-какие сбережения миссис Уэллс и не хотел, чтобы Гарри оставался в стороне. Гарри не решился продать что-то из недвижимости, но бо?льшая часть его капитала была вложена в акции и облигации, которые он легко мог задействовать в сделках. Поддавшись убеждениям Фрэнка, он именно так и поступил, вложив треть капитала в акции нового выпуска.

– Ты не пожалеешь, – заверил Фрэнк. – Будь у меня половина твоих денег, я бы именно это и сделал. Через полгода ты удвоишь своё состояние, сможешь забрать половину суммы и вложить куда-нибудь ещё, если вдруг засомневаешься.

Фрэнку можно было этого и не делать. Это был добрый поступок, лишённый теплоты, но всё же добрый. Акции себя оправдали.

С откровенностью, какую давало семейное положение, они с Винни часто обсуждали будущую женитьбу её братьев. Роберт, по мнению обоих, подражая покойному отцу и, возможно, королю, питал слабость к актрисам. Баррингтон был загадкой, хотя никто не сомневался, что мораль и манеры в дальних уголках империи не столь строги, и, вполне возможно, он вступил в какой-нибудь неофициальный туземный союз, который дома никогда не признают. Но Фрэнку повезло больше всех. Сёстры, довольно злобно подшучивая, придумали для него идеальную спутницу, напрочь лишённую чувства юмора суфражистку по имени Эльфина. На вечеринках они развлекались, соревнуясь, кто первый увидит девушку в очках – чем толще, тем лучше, – и крича друг другу: «Смотри, смотри, Эльфина!»

Гарри боялся, что ситуация сложится ещё хуже и приведёт к мезальянсу. У таких Фрэнков редко хватает здравого смысла и знаний о себе, чтобы выбрать

Эльфину; они куда более склонны бросить своё сердце под ноги светской красавицы, какой-нибудь Дульчи или Кларабель, красота которой наскучит им так же скоро, как выведет из себя недостаток образования. Понемногу он начал и сам присматривать для Фрэнка Эльфин.

Поезд Фрэнка прибыл поздно, и это, казалось, совершенно выбило его из колеи. Гарри успокоил его, соврав, что ждал совсем недолго.

– В город я должен вернуться на поезде, который пойдёт в одиннадцать сорок семь, значит, у нас есть в лучшем случае полчаса, – сказал Фрэнк.

– Пойдём. Я знаю тут неподалёку хорошую гостиницу. У тебя печальный вид, Фрэнк.

– Расскажу всё, когда присядем, – коротко ответил он. Вид у него был ещё более измождённым, чем обычно, особенно в такой жизнерадостной обстановке.

Гарри перебрал в голове все возможные плохие новости, о которых нельзя было сообщать в письме, но ему на ум шли только случаи внезапной смерти – кто-нибудь из девочек утонул, катаясь на лодке, или Роберта задавил трамвай – но в таком случае он не понимал, почему Фрэнк – ведь это меньше всего походило на Фрэнка – решил пощадить чувства Винни и не говорить ей ни о чём. К тому времени как они уселись в тени поросшего пальмами дворика, где, по счастью, ещё не начали играть неутомимые музыканты, Гарри уже нервничал не меньше Фрэнка.

Был слишком ранний час, чтобы заказывать обед. Официантка принесла им два стакана лимонада и маленькую розовую тарелочку с печеньем. Фрэнк быстро заглотил два печенья подряд и залпом выпил бо?льшую часть лимонада. Он весь взмок, и причиной тому была не жара.

– Фрэнк, ради всего святого, что случилось?

– Наше верное дело, – только и сказал он.

– Уэйкфилдские акции?

– Да. Они рухнули. Ты не следил за ними? – Фрэнк наморщил лоб; его женоподобное лицо сильно напоминало монашеское. Если у него родятся дети, им трудно будет вынести разочарование отца.

– Поначалу следил, но дела тогда шли просто замечательно.

– Ты их не обналичил, как я тебе сказал?

– Ты сказал, что можно, Фрэнк, но не сказал, что нужно…

– Чёрт побери, ты же не ребёнок!

Прежде Фрэнк никогда не ругался.

– Рухнули вплоть до полупенса за акцию, – сказал он. – Я навёл справки о своём приятеле, том, который убедил нас их покупать, и, судя по всему, он уехал из страны, перед этим выбросив все свои активы на рынок, пока цена была на высоте. Гарри… мне очень жаль.

– Ты не виноват, – заверил Гарри. – Может, они ещё поднимутся. С акциями всегда так.

– Не в этот раз.

– Какую часть капитала ты в них вложил? – спросил Гарри, и Фрэнк снова выругался.

– Я, чёрт возьми, адвокат, – сказал он. – Не биржевой брокер. Зачем ты вообще стал слушать мои глупые советы?

– Это был хороший совет. Очень хороший. Я сам виноват, что не следил за ними последнюю неделю. А как поступила твоя мать?

– Не лучше тебя.

– Она знает?

– Она мне доверяет. Я должен был ей сказать.

– Она выдаст Патти замуж по расчёту, оглянуться не успеешь. Только подожди.

– Как ты можешь шутить в такой момент?

– Извини. Просто я не могу в это поверить.

– Поверишь, когда придётся оплачивать счета, – Фрэнк посмотрел на часы и вздохнул. – Сам решишь, как рассказать Винни. Лучшее решение, на мой взгляд, – отказаться от аренды этого дома и перебраться в Ма Турейн. Я могу переселиться в комнату Барри, вам достанется комната Винни и моя. Ещё есть домик кучера за стойлами. На вид лучше, чем звучит. Во всяком случае, немного личного пространства. Я понимаю, Винни расстроится. Но переезд убережёт вас от лишних издержек, пока… пока дела не наладятся.

– Да. Конечно. Хорошо. Спасибо. Мы посмотрим, да?

– Мне пора.

Гарри бросил на стол несколько монеток – плату за лимонад, – думая, как так вышло, что деньги всегда казались ему чем-то ненастоящим, наподобие фишек в игре. Беспощадные музыканты вновь вернулись на свои места и начали играть, как раз когда он нагнал Фрэнка. Провожая, Гарри с чувством пожал ему руку.

– Спасибо, что приехал и рассказал мне обо всём лично, – сказал он.

– Меньшее, что я мог сделать. У Винни всё в порядке?

– Да. И у малышки тоже.

– Филлис, да?

– Верно.

– Ты обдумаешь мои слова?

– Конечно же.

Фрэнк повернулся со свойственной ему резкостью и ушёл. Идя обратно мимо контрольного барьера, Гарри чуть не столкнулся с серьёзной молодой женщиной, спешившей на тот же поезд – в руке книга, на носу очки толщиной в донышки бутылки. Эльфина, подумал он, ощущая лёгкий порыв нежности к вспыльчивому молодому человеку, взявшему на себя труд сообщить ему срочные новости.

С детства, может быть, с самой смерти матери, он время от времени предавался фантазиям о том, как внезапная катастрофа даст ему вырваться на волю. Разразится война, революция, чума, землетрясение, цунами, что-нибудь стихийное и грандиозное, что сметёт с лица земли всю определённость и устойчивость, подарив ему внезапную, головокружительную свободу.

Став мужем и отцом, он заметил, как изменились эти фантазии, обретя жестокую конкретность. Он вернётся домой после недолгой отлучки и обнаружит, что Винни и Филлис – и горничные, конечно, – задохнулись из-за внезапной утечки газа. Или, повернув за угол красивой улицы Саус-Парад, как сейчас, увидит вопящие от ужаса толпы, пожарных и дымящийся кратер на месте дома. Эти образы ужасали его. Он убеждал себя, что это признак любви, который ничем не отличается от тревожных мыслей матери, чьи дети находятся не у неё на виду, но держал их при себе.

Винни стояла в оранжерее, держа Филлис на руках и показывая ей вид на море. Увидев Гарри, идущего по тропинке, рассмеялась и замахала ему пухленькой ручкой дочери.

После её признания в медовый месяц он решил, что и сам должен в свою очередь всегда быть с ней откровенным. Он обо всём расскажет ей после ланча.

Глава 6

Разносчики телеграмм в Лондоне были привычным зрелищем. В нарядной униформе, к которой часто прилагалась развязность, они, по мнению Гарри, всё

же принадлежали к тому же классу, что и конюхи, чернорабочие, садовники и строители. Это было то же городское племя, чья занятость, когда он проходил мимо них, даже когда они просто попадались ему на глаза, была укором его безделью. Особенно это касалось разносчиков телеграмм, потому что в жизни Гарри не было места чему-то срочному, он никогда не получал телеграмм и думал, что вряд ли когда-нибудь получит.

В тихом заповеднике Херн-Бэй, где, казалось, не существовало таких требующих немедленного внимания новостей, что их нельзя было сообщить в письме, разносчики телеграмм были редкостью. Увидев, как он легко движется на велосипеде по бульвару, Гарри счёл, что сейчас плохие новости – произошла трагедия или финансовый крах – сообщат кому-то из несчастных соседей, и был поражён, увидев, как юноша, прислонив свой велосипед к ограде его сада, движется по садовой тропинке его дома.

Телеграмма пришла от миссис Уэллс и состояла всего из одной строчки: Пожалуйста, приезжайте немедленно. Предположив, что, возможно, кто-то в семье скончался, хотя на телеграмме не было чёрной каймы, Гарри ответил почтальону, что сядет в первый же поезд, какой только возможно, и помчался наверх, в детскую, известить Винни.

Винни унаследовала от матери склонность к беспокойству. Всю дорогу от Херн-Бэй до Виктории она громко и подробно рассказывала всевозможные сценарии: несчастный случай на воде – хотя отец позаботился о том, чтобы все дети умели плавать; сердечный приступ – мама ведь долго страдала от учащённого сердцебиения; Барри зарезали дикари в Басутоленде. А может быть – мысль, которую ей было труднее облечь в слова, – Фрэнк или Роберт сделали что-то не то в своей работе и теперь их ждёт полный крах или даже арест!

Гарри быстро оставил надежду её успокоить, потому что его слова только раздражали Винни; он усвоил, что в такие минуты, пусть даже она задаёт вопросы, на самом деле она разговаривает сама с собой, поэтому, что бы ни сказал Гарри, он лишь вмешается в этот разговор и рассердит её. К тому времени как они выехали на железнодорожную линию Строберри-Лейн, её нервы были натянуты до предела, так что она уже не могла говорить, и остаток пути они проехали в молчании.

Ожидая у входной двери, он услышал сквозь распахнутое окно наверху голоса Китти и Мэй, повторявших урок мадам Вейнс, по всей вероятности, названия

столиц. Голоса звучали как обычно, оживлённо и бодро, вовсе не как в доме, куда пришла смерть. География была любимым предметом девочек, поскольку она предлагала планы побега из классной комнаты.

Горничная распахнула дверь; за её спиной, в нескольких шагах, уже ждала миссис Уэллс, которая немедленно повела их в гостиную.

– Милые вы мои! – воскликнула она, усаживая Винни на диван и одновременно протягивая руку Гарри, будто нуждалась в поддержке их обоих сразу. – Слава богу, вы приехали. Мне так тяжело! Я ещё никому не рассказала, я узнала только после завтрака. Мальчики, конечно, уже ушли на работу. А как я скажу Джулии и младшим детям?

– Что случилось? – спросила Винни. – Кто…

Миссис Уэллс посмотрела ей прямо в глаза и отпустила руку Гарри, чтобы сжать обе ладони дочери.

– Джорджи, – сказала она.

У Винни вырвался сдавленный крик. Из всех братьев и сестёр она больше всего любила ту, о чьей трагической гибели в то утро и не подумала. Джорджи была такой здоровой, такой бесстрашной; ничего плохого просто не могло случиться с Джорджи!

Гарри вспомнил, что Джорджи пригласили на свадьбу в качестве подружки невесты, и ей пришлось целых три дня ехать до Глостера. В предшествовавшие недели было столько суеты: сначала Винни тайком перешивала и подгоняла платье, сшитое деревенским портным, которое ей прислала мама невесты, потом горячие дебаты, стоит ли отпускать Джорджи так далеко одну, без сопровождения. Свадьба была в субботу. Проведя как почётная гостья воскресенье в кругу новой семьи, Джорджи должна была вечером вернуться в Ма Турейн.

Упав в ближайшее кресло, Гарри воскресил в памяти счастливое лицо Джорджи в день, когда они только что познакомились и она дразнила Винни, стоя на веранде; подумал о Джеке, который сейчас так далеко, в Честере, в совершенной изоляции от общества. Джек будет так опечален.

С тех пор как Гарри и Винни поженились, стало ясно – если дружба Джека и Джорджи будет продолжаться, это не приведёт ни к чему, кроме неудобств. Хотя Джек перебрался в Честер, где нашёл работу, было очевидно, что между молодыми людьми возникла симпатия; более того, Джек признался Гарри, что сделает Джорджи предложение, как только будет в состоянии предложить ей достойные условия для жизни. Больше он не касался этой темы, и Гарри не приставал с расспросами, но предполагал, что влюблённые состоят в переписке.

Парочка ненадолго встретилась месяц назад, когда Джек приехал в Херн-Бэй на крестины Филлис (с хитростью любящей души Винни пригласила и его, и Джорджи). Находясь под строгим присмотром – любящая бабушка малышки, конечно, приехала тоже, – они всё же проводили вместе часы напролёт и успели поверить друг другу все свои тайны.

Глядя, как слёзы сбегают по милому лицу жены, Гарри решил, что сегодня же поедет в Честер и лично сообщит Джеку о трагедии, когда миссис Уэллс сказала:

– Я даже не знаю, плакать или смеяться. Всё утро – то одно, то другое. Я как выжатый лимон.

– Но… – начала было Винни.

– Она обвела нас вокруг пальца, – продолжала миссис Уэллс. – Маленькая гусыня вышла замуж, – она взглянула на Гарри с лёгким намёком на кокетство. – Теперь в нашей семье две миссис Зоунт. Вот. Прочтите сами. Я так много их перечитывала, и оба письма такие трогательные, что я опять разревусь, если начну читать вслух.

Пока Винни – это не ускользнуло от внимания Гарри – пыталась справиться с раздражением оттого, что её так расстроили безо всякой на то причины, её мать достала из-за диванной подушечки в гобеленовом чехле конверт, откуда вынула два письма, одно – с явным намёком – вложенное в другое, и протянула каждому по одному. Супруги читали молча под неумолкающее скандирование девочек, доносившееся сверху, потом с улыбкой обменялись письмами.

В одном Джек извинялся за неожиданную выходку и объяснял, что они с Джорджи по-настоящему полюбили друг друга, им не терпелось стать мужем и

женой, и они не хотели ни волновать своих родственников, ни вынуждать их тратиться. По воскресеньям в церкви Честера оглашались имена вступающих в брак прихожан. Вчера они с Джорджи встретились в этой церкви и обвенчались; друзья выступили свидетелями, и миссис Зоунт перебралась в новый дом. В другом письме, покороче, Джорджи уверяла домочадцев, что любит их, но не смогла справиться со своей любовью к дорогому Джеку, и теперь она – самая счастливая женщина в мире.

Вне себя от радости, что наконец поделилась новостью, убедившись по реакции Винни и Гарри, что это, безусловно, хорошая новость, и не чувствуя ни малейшего беспокойства или стыда, миссис Уэллс решила немедленно открыть бутылку шампанского, позвала Джулию, Китти, Мэй и мадам Вейнс и каждой в честь праздника позволила выпить по целому бокалу.

Как и следовало ожидать, она беспокоилась, хорошо ли отнесётся Роберт к такому подрыву его авторитета, но все её страхи оказались беспочвенными. Оставив Винни en famille[11 - В кругу семьи (фр.).] на несколько часов, Гарри отнёс письма в Линкольнс-Инн[12 - Юридическое заведение в Лондоне, судя по всему, место работы братьев Уэллсов.] и показал братьям. Он нимало не сомневался в реакции Роберта: немного поворчав о бесцеремонной выходке молодых людей, он плавно перешёл к тому, что они могут очень хорошо устроиться, что Джек – работящий парень с большим будущим и что во времена, когда нужно сократить издержки, выдать сестру замуж с минимальными затратами – большая удача. Гарри пожал братьям руки, а Фрэнк пошутил, что при первой же возможности нужно записать следующих по старшинству сестёр в женский клуб любителей гребли.

Оставив письма братьям, Гарри решил заодно посетить своего адвоката, где распорядился, чтобы документы на владение несколькими домами, полученными в наследство от отца, передали Джеку в качестве подарка на свадьбу. Доход от ренты был стабильным, понемногу увеличивался и должен был помочь Джеку в случае неожиданных дополнительных расходов, связанных с содержанием жены.

Распоряжения выслушал один из помощников адвоката, но, когда Гарри уже собрался уходить, к нему подошёл сам адвокат и попросил зайти к нему в кабинет на пару слов. Финансовое положение Гарри, сказал он, существенно пошатнулось после неудачного вложения в «верное дело» Фрэнка. Уверен ли он, что хочет ещё больше сократить свои доходы? Гарри подтвердил. Он чувствовал

себя в долгу перед братом и чувствовал, что после свадьбы Джек обрёл независимость; ему хотелось подчеркнуть важность этого перехода значимым поступком. В таком случае, сказал адвокат, следует экономить на всём остальном, после чего завёл мрачную тираду о цифрах и прогнозах.

По дороге домой из Строберри-Хилл Гарри набросал несколько черновиков поздравительного письма для Джека, где хотел сообщить, что всё понимает и не сердится, дарит ему недвижимость, счастлив принять Джорджи в немногочисленный клан Зоунтов и настаивает, чтобы молодожёны нанесли им визит при первой же возможности. Либо так, либо пусть сами готовятся принимать гостей.

Теперь, когда я могу оставить притворство, что, будучи твоим старшим братом, я больше умудрён опытом, – писал он, – я могу сказать: твоя женитьба представляется мне более романтичной и вместе с тем обдуманной в сравнении с той, к которой ты так доброжелательно меня подтолкнул. Я всегда был более консервативным и осмотрительным из нас двоих, а теперь чувствую себя гораздо менее зрелым. Ты идёшь своей дорогой, Джек, не скрываясь в тени кого-то другого, в то время как я ощущаю себя неполноценным, едва сформировавшимся, относительно тебя оставшимся далеко позади, в малопривлекательной стадии личинки.

Он вычеркнул весь последний абзац. Потом нетерпеливо смял и выбросил черновик из окна кареты и начал заново, ясным и жизнерадостным тоном.

Его признание воскресило в памяти слова, услышанные от доктора Файнса в один из вечеров за бриджем в Херн-Бэй, когда они ждали, пока дамы вернутся за карточный столик.

– В следующем году мне пятьдесят, – сказал доктор, – я помог бессчётному множеству людей явиться в этот мир и порядочному числу – безболезненно его покинуть. Я спасал жизни и рушил их, и всё же отчасти ощущаю, будто так и не вырос из коротких штанишек. Я утешаю себя убеждением, что большинство мужчин изображают зрелых, хотя на самом деле таковыми не являются. Они бахвалятся, рисуются, отращивают бороды, чтобы прятаться за ними, но на самом деле проводят бо?льшую часть жизни в постоянном страхе и

неподготовленности, боясь женщин так же сильно, как и друг друга.

Глава 7

– Смотри на сцену! – шепнула Винни, хлопнув его по колену, чтобы отвлечь от попытки выискать в программке что-нибудь интересное. Оркестр в яме заиграл особенно раздражающую мелодию, звучавшую в этом сезоне, казалось, отовсюду, а с балкона послышалось мужское бормотание и несколько пьяных возгласов одобрения. На сцену выходил хор девушек Гайети-театра!

Гарри обернулся, чтобы взглянуть на миссис Уэллс. Маленькая женщина сидела за его спиной очень прямо, напряжённо глядя в перламутровый театральный бинокль и пытаясь казаться спокойной. Сегодня она больше, чем когда-либо, походила на расфранченную куропатку.

Музыкальные комедии были для Гарри настоящим адом. Он терпеть не мог их натянутую сентиментальность и жизнерадостность, их абсолютно неправдоподобные сюжеты, в которых так часто фигурировали продавщицы, разодетые в меха, и слащавые принцессы, принимаемые за служанок, – и его напряжение усиливало ожидание, что в любую минуту любой герой может разразиться песней. Он любил спектакли, хорошие спектакли, погрузившись в которые, можно было забыть обо всём и поверить, что на сцене происходит что-то важное, что-то настоящее. Любил дерзкие пьесы Шоу, Пинеро, Ибсена. Любил тихих зрителей и маленькие театры. Музыкальные комедии показывали в театрах с кафедральный собор величиной; у Гарри кружилась голова, и он чувствовал, как на него давит шумный энтузиазм толп, напиравших со всех сторон. Он уже потерял нить сюжета сегодняшней мешанины. Декорации смутно напоминали тирольский стиль – деревянные шале, уставленные горшками с искусственной красной геранью, намалёванные на заднике горы, покрытые снеговыми шапками, и даже озеро с надоедливо кружившим по нему колёсным пароходом. На сцену выбежал знаменитый хор красавиц, по неизвестной причине одетых почтальонами, только в задорно коротких тёмно-синих юбочках вместо брюк. Они пели совершенно с этим не связанную популярную песенку, прыгали, кружились и бросали любовные письма в бутафорские почтовые ящики.

Патти вышла последней – её роскошную фигуру нельзя было спутать ни с одной другой. Она пела с меньшей непринуждённостью, чем остальные, и её движения часто слегка за ними не поспевали. Может быть, она нервничала. Но это был не балет; зрители приходили в Гайети-театр, чтобы любоваться не безупречной работой ног, а воплощённым каталогом юности и красоты.

Как Патти удалось так быстро пройти путь от воспитанницы бельгийских монахинь до звезды сцены Вест-Энда, демонстрирующей всем свои прелести, было целой историей, смутные детали которой были незамедлительно обработаны в благозвучную легенду. Вынужденная вернуться домой ввиду стремительно уменьшающихся доходов миссис Уэллс, Патти ещё острее ощутила финансовые трудности, слишком поздно обнаружив, что забыла бумажник в придорожном кафе Льежа, и села в поезд, не имея при себе ни билета, ни средств, чтобы за него заплатить. Тщетно взывая на далёком от безукоризненного французском к совести контролёра, угрожавшего высадить её раньше, чем они доберутся до побережья, она неожиданно обрела спасение благодаря поразительно элегантной женщине, настоявшей, что заплатит за билет Патти и купит ей обед.

Это оказалась не кто иная, как молодая жена композитора, чьё последнее шоу как раз должно было идти в Гайети-театре. Подняв Патти настроение, она убедила её прийти на пробы, что девушка и сделала тайно, сообщив новости родным, лишь когда её возбуждение, вызванное предложением выступать, уже невозможно было скрыть.

Мама, конечно, плакала, а братья запретили и думать об этом, но Патти проявила характер, выдержав все сцены и приведя разумные доводы, что хор Гайети-театра состоит только из девушек и что он открывает гораздо лучшие перспективы для удачного замужества, чем заточение на вилле Туикенема. Она отстаивала свои права так же яростно, как Роберт – до этого никто и не подозревал в ней такой темперамент! – и закончила тем, что поступила, как задумала.

Репетиции проходили днём, когда Фрэнк и Роберт были на работе; Винни взяла на себя роль компаньонки – провожала и встречала Патти, задабривала её приятельниц. Вскоре несколько случаев неотложной помощи гардеробу ведущей примы обеспечили ей множество заказов, включая один от звезды театра, Глэдис Купер.

Винни и Гарри всё-таки пришлось перебраться на виллу Ма Турейн. Они заняли каморку над стойлами, где им было очень уютно. Условно независимые, ели они всё же вместе с остальными. Изо всех мер экономии, принятых после того, как они покинули Херн-Бэй, Гарри особенно тяжело далось прощание с верховой ездой. Садясь в экипаж или просто переходя оживлённую улицу, он чувствовал на себе терпеливый взгляд ожидающего кучера, вдыхал знакомые ароматы пота и кожи, сладковатый запах навоза и ощущал жестокую тоску.

Однако ему нравилась жизнь en famille. Пока Винни шила платья, он проводил время с миссис Уэллс, болтая, играя в карты с её друзьями или катая Филлис в коляске по саду. Винни не нравилось, что он так много времени проводит с ребёнком. Временами она резко говорила ему, что няня уже вывозила Филлис на прогулку, или что она спит, или что её собираются кормить. Детям нужен чёткий распорядок, говорила она, а присутствие Гарри вносит подрывающие нарушения. Но, переехав в Строберри-Хилл, Винни вновь из жены стала дочерью, и, казалось, ей было приятно поручить заботу о ребёнке другим.

Миссис Уэллс забавлял интерес новоиспечённого отца к своему чаду, и она часто предлагала Гарри прогуляться с коляской по парку, граничившему с берегом реки, шла в нескольких метрах позади него и наслаждалась выражениями удивления и любопытства на лицах прохожих.

Теперь, когда он стал мужем их сестры, младшие девочки, Джулия, Китти и Мэй, больше не прятались от него в детской, а вовлекали в свои игры, чтение по ролям, даже уроки. Мадам Вейнс, увы, пришлось уйти – ещё одна из мер экономии, принятых миссис Уэллс. Проверять их познания в географии и французском забавляло Гарри, давало почувствовать себя умным и полезным. Он даже попытался дать им поверхностное представление о латыни.

Конечно, они видели не самый положительный пример для подражания в лице Патти, которая, едва начав репетировать в Гайети-театре (очень скоро она убедила Винни, что компаньонка ей не нужна и унижает её своим присутствием), начала пропадать по выходным. У одной из её подруг, помолвленной с американским финансистом, был коттедж – или, как мрачно сказала Винни, она шла в комплекте с коттеджем – неподалёку от Пангборна, и жених закатывал там вечеринки. На одной из них Патти встретила влиятельного обожателя. Он был третьим сыном, носившим довольно жестокое прозвище Врядли, намекающем, что вряд ли он сделается графом.

Вне себя от волнения, миссис Уэллс разыскала сведения о его семье в «Родословной книге» Берка. Это был чрезвычайно богатый род, владеющий угольными шахтами, металлургическими заводами и бескрайними землями в центральном Лондоне. Не важно, третий сын или нет, – Врядли был добычей. С Патти они виделись время от времени, за ними не наблюдала ни его мать, ни миссис Уэллс. Поскольку сначала он узнал девушку как артистку, а не как чью-то бесценную дочь, на вилле Ма Турейн опасались, что его намерения далеки от благородных.

Беспокойство усугубилось, когда однажды Патти вернулась домой с очаровательными французскими карманными часами, которые он ей подарил. Ей велели немедленно вернуть их до тех пор, пока он не сделает ей предложение, но в ходе яростных препирательств выяснилось, что вернуть она их не может, потому что бедного Врядли это смертельно оскорбит, ведь часы принадлежали ещё его бабушке. Любовницам, и к тому же любовницам случайным, семейных драгоценностей, как правило, не дарят, и это ещё больше взволновало миссис Уэллс, так же как и письмо от щедрого джентльмена, приглашающего всю семью Патти встретиться с ним в его ложе, а затем на ужине после нового шоу.

Как бы Патти ни пытали, из неё не удавалось вытянуть ни слова о Врядли, кроме того, что он был душкой; Винни это навело на мысль, что он немного походит на короля[13 - Эдуарда VII.]. Может быть, постарше, покруглее и с бородой, предположила она. Этот образ, придуманный перед сном, вскоре укоренился, поэтому все были безмерно изумлены, когда в ложе их встретил застенчивый желтоволосый молодой человек с аккуратной бородкой, ненамного старше Гарри. Не слишком сильно напоминающий соблазнителя, он скорее производил впечатление невинности и восторженности; Гарри счёл его не особенно умным и подумал, что, возможно, именно его следовало бы оберегать от влияния мисс Патти, а не наоборот.

Когда хор девушек закончил петь и танцевать, Врядли зааплодировал куда громче, чем родные и близкие Патти, и завопил «Прелестно! Прелестно!» с таким воодушевлением, что Гарри почувствовал, как Винни чуть отшатнулась назад на стуле.

Патти вышла на сцену ещё несколько раз, каждый – в новом костюме. Её участие ничего не добавляло, но и не портило. Пугающий магнетизм, который она демонстрировала в гостиной, стёрся на фоне огромной сцены и опытных конкуренток. Чем большую поддержку изображал Врядли, тем яснее

становилось, что Патти не рискует выйти за пределы хора и стать звездой рекламы кольдкрема или туалетной воды.

Может быть, именно по этой причине участницы хора в основном прославились блестящими замужествами; при всей красоте они обладали весьма скромными артистическими способностями. Когда миссис Уэллс в первом антракте выслушивала комплименты, наслаждалась шампанским и кокетничала с Врядли, признаваясь, что без его помощи ей никак не разобраться в тончайшем, как папиросная бумага, сюжете, по её манере поведения было очевидно – она расслабилась. Если бы Патти вышла вперёд, чтобы под светом рамп станцевать соло или представить комический номер, если бы её заставили, как другую девушку, пролететь над оркестром на украшенной гирляндами трапеции, а хор в это время бросался бы в неё шёлковыми пионами, шансы, что она оставит этот эксцентричный мир ради чего-нибудь более благопристойного, были бы гораздо слабее.

Достопочтенный Врядли заказал большой банкетный зал в ближайшем ресторане и убедил Патти пригласить с собой несколько новых подружек по сцене. Это было к лучшему, потому что воодушевление радушного джентльмена несколько противоречило высокомерию Роберта (Гарри заметил, что оно усиливалось, когда Роберту приходилось чувствовать себя представителем среднего класса) и неспособности Фрэнка представлять правду в более выгодном свете. Фрэнк только что безапелляционно заявил, что настоящий талант – одно дело, но его сестра безо всяких на то оснований унижает себя и свою семью, но тут как раз явились танцовщицы, и все присутствующие разразились нервным смехом и аплодисментами.

Гарри обнял Патти – надевшую, как он отметил, часы наследника Врядли, – и она представила его Глэдис Купер, склонившуюся перед ним в шутливом реверансе и впервые продемонстрировавшую наряд, который для неё сшила Винни. За этим последовало всеобщее неловкое смятение. Обычные в таких случаях разговоры было трудно вести в ресторане, за круглым столом. Все расселись кто где хотел, с чем Врядли был вынужден бессильно согласиться, хотя он явно желал, чтобы по правую его руку оказалась миссис Уэллс, а по левую – Патти; никто из мужчин не пожелал безрадостно сидеть возле жены. Взволнованная, возбуждённая, явно чувствующая себя замечательно в атмосфере могущества её почитателя, Патти привела больше приятельниц, чем можно было бы усадить вокруг стола. Удостоверившись, что Винни разместилась между братьями, Гарри нашёл себе место за дополнительным столом, который официанты поспешно накрывали

белой скатертью.

Он пожал руку Коры Лейн, актрисы в возрасте, выступившей с комической песней. Она держалась с королевским достоинством, но оказалось, что она говорит на кокни[14 - Один из самых распространённых типов лондонского просторечия.], кое-как пересыпанном крупицами элегантности, явно почерпнутыми из пьес. Она призналась, что польщена, и чуть поклонилась Гарри, когда он довольно искренне сказал ей, как его позабавила её песня, и представила его соседям по столику, которых без усилий взяла под покровительство.

Среди них была ещё одна женщина – молодое, едва оперившееся существо, столь робкое и бессловесное, что невозможно было представить, как она набралась смелости войти в театр, не говоря уже о том, чтобы выйти на сцену. Она представилась просто Верой, как будто одно её имя уже объясняло всё, что нужно о ней знать, и за весь вечер не проронила больше ни слова.

– А это господа Прайд, Хоуки и Гослинг, балетом которых, я уверена, вы восхищены не меньше, чем моей песенкой.

– Добрый вечер, джентльмены.

Гарри не был удивлён, что пожатия танцоров оказались неприятно вялыми. Ему доводилось встречать людей такого типа во время прогулок по пляжу и в банях на Джермин-стрит: узкобёдрые, нарочито сговорчивые создания, по непонятной причине предпочитающие подражать девушкам вместо того, чтобы, как мужчины, противостоять всем трудностям, которые приготовила на их долю судьба. Один рассказал, что у него есть родители, братья и сёстры в какой-то редко посещаемой глуши, но создавалось впечатление, будто все они, эти танцоры, никогда не имели семьи, а уже полностью сформированные, вылупились из яиц, столь же хрупкие, как расколотые податливые оболочки.

– А это мистер Браунинг.

Мистер Браунинг был не из тех, кто с кудахтаньем вышел из яйца. Он с такой силой пожал руку Гарри, что тот задумался, достаточно ли крепко его собственное рукопожатие. Он был выше Гарри, черноволосый, серьёзный.

Они сели. Гарри оказался между импозантным мистером Браунингом и мистером Прайдом. Мистер Прайд выразил желание чокнуться бокалами шампанского с Гарри, жеманно произнеся «Ваше здоровье», затем немедленно повернулся, чтобы поухаживать не за безапелляционно молчавшей Верой, сидевшей рядом, но за императрицей их стола, рассказывавшей какой-то анекдот.

– Ну хоть вы меня не бросайте, – сказал мистер Браунинг, позволив себе чуть заметную, самоуничижительную улыбку, подчеркнувшую красивую ямочку на подбородке.

– Что вы, напротив, – ответил Гарри. Будучи смущён, он часто говорил, не думая. Потом, забеспокоившись, что эти слова покажутся собеседнику неуместными или непонятными, добавил: – Мне с вами приятно.

Глубоко посаженные глаза мистера Браунинга со следами остатков сценического макияжа наблюдали за ним, и он запнулся на середине слова «приятно».

Такие невыносимо долгие и громкие заикания случались с ним редко. Мистер Прайд скользнул по нему любопытным взглядом, но к своему удовольствию, заметив, что Кора Лейн нахмурилась, едва он отвлёкся, вернулся к прерванному разговору.

– Простите, – наконец сумел выговорить Гарри. – Мне с вами приятно, – повторил он как можно медленнее. – Такое случается, лишь когда я напуган.

– Ну, во мне нет ничего особенно пугающего, – сказал мистер Браунинг. – Я только актёр. Те двое с бородами, что сидят по обе стороны от вашей прелестной жены, вот они у кого угодно могут вызвать заикание.

Гарри посмотрел на Винни. Поймав его взгляд, она чуть сузила глаза, забавляясь монологом Роберта с участием солонки, перечницы и обеих вилок.

– Это её братья, – объяснил он.

– А, – ответил мистер Браунинг, не подумав извиниться. – Пожалуй, я смог бы вам помочь, если бы вы ко мне обратились. Я помогаю людям поставить голос в

те редкие минуты, когда не продвигаю свою восхитительную актёрскую карьеру.

– О, – начал было Гарри, потом напомнил себе вдохнуть, прежде чем заговорить, – боюсь, что я не…

– Денег с вас я не возьму, – снова эта неясная, заинтересованная, едва заметная улыбка.

Принесли еду, и поскольку их стол, втиснутый в уголке, был накрыт в последнюю минуту, пришлось чуть сдвинуться, чтобы официант мог их обслужить. В результате колено мистера Браунинга оказалось прижатым к колену Гарри под дамастной тканью скатерти. Поскольку Гарри выпил слишком много великолепного шампанского наследника Врядли, он чуть помедлил, ощущая тёплую близость ноги другого мужчины, прежде чем напомнить себе, что правильная реакция, принятая в переполненных экипажах и столичных омнибусах, – не говорить ничего, что могло бы смутить другую сторону, а просто отодвинуть ногу.

Мистер Браунинг посмотрел на него аккурат в тот момент, когда Гарри поднёс вилку с нанизанным крабовым мясом ко рту, улыбнулся и, не отводя взгляд, вновь прижал колено к ноге Гарри.

– Вам нечего бояться, – сказал он. Вряд ли ему следовало говорить так тихо, ведь все присутствующие шумели.

Официанты только что наполнили бокалы, но Гарри осушил свой одним-единственным, головокружительным глотком. Жар прилил к щекам. Он не был неженкой, но, поднимись он сейчас на ноги, вне всякого сомнения, потерял бы равновесие. Его охватило сильное желание громко рассмеяться, но вместо этого ему удалось выговорить: «Я ничего не боюсь», и слова были настолько далеки от истины – Гарри всегда был труслив и уж точно не относился к числу героев, – что он всё-таки и впрямь рассмеялся, будто бы над какой-то весьма остроумной шуткой, а мистер Браунинг смотрел на него с такой добротой, словно ждал, пока Гарри перестанет терзать приступ удушья.

Затем, положив руку на колено Гарри и чуть сжав, он сказал – его слова показались криком, хотя, возможно, были всего лишь шёпотом:

– Меня зовут Гектор, и когда вы сегодня вечером будете раздеваться, вы найдёте мою визитку в кармане брюк, – и в качестве объяснения добавил: – Мой отец был фокусником.

Гарри никогда не снились кошмары и даже вообще запоминающиеся сны, хотя примерно около года после смерти матери он часто плакал от страха, что, погрузившись в забытье, умрёт, и от неумолимой боли утраты. Но в период надвигавшегося пубертата, когда пугающие, но неопределённые слова священника в Харроу и похабные шуточки мальчишек постарше начали наконец обретать смысл, он видел один и тот же сон так ярко и подробно, что он начал напоминать скорее воспоминание, чем игру спящего ума. Он стоял в классе или гимнастическом зале, слушая наставления того или иного учителя, когда внезапно без предупреждения появлялся мужчина в красивой униформе и приносил письмо. Отступая перед авторитетом человека намного более значимого, учитель открывал письмо и читал, а потом они с посетителем шли по классу. Другие мальчики отступали назад, словно понимая, что ищут не их, но Гарри не двигался с места, ожидая, зная по опыту, чем закончится этот много раз увиденный сон. Когда человек в униформе подходил ближе, Гарри понимал, что он неописуемо красив, как принц из старой легенды или молодой лорд Китченер[15 - Горацио Герберт Китченер (1850–1916) – британский военный деятель.], но также неописуемо опасен и способен убить одним взмахом затянутой в перчатку руки. Мальчики расступались, как волны пугающего моря, и он оставался один. Однако море было не только пугающим – Гарри всё-таки хотел быть найденным.

Миг, когда он просыпался, был неизменно один и тот же: учитель указывал на него пальцем, и глаза мужчины в униформе пристально смотрели ему прямо в глаза, так волнующе, что сердце пропускало удары.

Глава 8

Следующий день прошёл в суете сборов. Гарри, Винни, Филлис и нянечка отправлялись в Честер, на крестины первенца Джека и Джорджи.

Джек, как всегда, подействовал на Гарри, как Северный полюс на стрелку. Его простое счастье, его удовольствие от семейной жизни с Джорджи, от отцовства,

от игры в лошадку с маленькой Филлис, которую он радостно катал на спине, ещё больше подчеркнули неловкость Гарри, ощущение близости к краю. На протяжении всей поездки с её радостными хлопотами, рассказов о том, какие изменения к лучшему произошли в доме и на работе, церемонии крещения и праздничного обеда после неё, прогулки вокруг стен старого города, целого дня, проведённого на скачках, и замечательного утреннего катания верхом на конеферме неподалёку от Таттенхолла, где Джек принял роды у кобылы, в голове Гарри звучал голос, не говоривший ничего ни о семье, ни о радостях жизни.

В поезде, во время долгого пути домой, он пытался заглушить этот голос, заговорив с Винни, но она была занята своими мыслями, погрустнев из-за разлуки со своей любимицей Джорджи, и вскоре свела разговор на нет, чтобы можно было читать роман или печально смотреть в окно купе.

– Мы всегда можем переехать, и ты это знаешь, – сказал он. – Снять дом в Честере. Джек уверяет, что плата за проживание там гораздо ниже. Тогда ты сможешь видеться с Джорджи каждую неделю, а не дважды в год.

– Хорошая мысль, – ответила она устало, – но мама и слышать об этом не хочет. Боюсь, она слишком от нас зависит. Мальчики или суровы с ней, или издеваются, а от девочек одно только беспокойство. – Когда он не ответил, она погладила его по руке и добавила: – Но это очень милое предложение с твоей стороны, – а потом продолжила читать «Ожерелье королевы»[16 - Роман Дюма.], оставив его в тщетных попытках заняться Киплингом, чтобы отвлечься от мыслей, от которых он предпочёл бы избавиться.

В первый день после возвращения домой Гарри заметил, что постоянно дрожит, вероятно, оттого что слишком промок во время катания верхом с Джеком, поэтому после обеда он отправился на Джермин-стрит, надеясь, что турецкая баня немного прогреет его кости. Но, уже идя по этой улице, он внезапно осознал, что прошёл мимо бань и теперь направляется к подъезду, расположенному между фасадами двух магазинов. Найдя в кармане брюк визитную карточку мистера Браунинга утром после возвращения из Гайети-театра, он сжёг её в камине, но, прежде чем он это сделал, адрес, от руки написанный на её обороте, врезался ему в память.

Это квартира, подумал он. Здесь много каморок для холостяков. На протяжении десяти минут он увидел трёх женщин, входивших или выходивших в дверь,

ведущую явно не в магазины. Он несколько раз слышал, что поблизости не живёт ни одна леди. Ему доводилось видеть хорошо одетых женщин, покупавших сыр в Пакстоне или Уайтфильде, мыло и подобные предметы обихода – в Флорисе, но, может быть, в это время они улыбались, стараясь отдышаться, прежде чем вернуться к сравнительному благонравию Пикадилли.

Возле двери дома мистера Браунинга не было ни молоточка, ни звонка, а сама дверь явно нуждалась в покраске и подпиралась стойкой для зонтов. В темноте коридора вырисовывались очертания видавшего виды столика, на котором можно было оставить письмо. Вероятно, молоточки или звонки были у дверей квартир. Но что, если их не было и Гарри просто вломится в дом Гектора Браунинга или, что ещё хуже, перепутав адрес, в дом возмущённого незнакомца?

Стоя на другой стороне улицы, он всматривался в лица женщин, проходивших мимо. Иногда встречались, судя по простым платьям и дешёвым шляпкам, горничные или кухарки, но были и те, понять сущность которых было сложнее. Хорошенькие. Спокойные. Элегантные. В меру смелые. Невинны они или распутны?

Конечно, в самой природе благонравия – не выдавать и не показывать ничего, кроме него. Все признаки были незаметны: маленький бугорок на месте обручального кольца; прядь, выбившаяся из-под безукоризненного шиньона; может быть, разошедшийся шов, выдающий жестокий порыв недавней страсти. А что выдаёт мужчин? Должно быть, лихорадочный румянец на щеках. Следы ногтей на спине. Может быть, лишь запах моря, порой исходивший от посетителей бани, запах, в котором что-то примешивалось к привычному аромату немытого мужского тела.

Мистер Браунинг стоял в дверном проёме. Он оказался ниже ростом и в то же время красивее, чем запомнилось Гарри. На нём не было ни пиджака, ни воротничка, манжеты аккуратно подвёрнуты; он стоял, наслаждаясь сигаретой и солнцем, с интересом разглядывая Гарри. Он словно не видел движения толпы, и его внимание неким образом перекрыло её поток и для Гарри, который, не глядя, перешёл улицу, чем вызвал ругательство извозчика.

– Мистер Зоунт! Какой приятный сюрприз, – мистер Браунинг протянул ему руку.

– Я сомневался, что запомнил адрес, – хотел сказать Гарри и вновь запнулся на первой «с». Мистер Браунинг не содрогнулся, не отвёл взгляд, не закончил предложение за него, как делали многие, а лишь продолжал наблюдать с интересом.

– Простите, что я в дезабилье, – сказал он. – Вы ведь ко мне не записывались?

– Я… нет. Нет, нет.

– Но я уверен, для вас найдётся время, – он старательно втоптал сигарету в тротуар, потом направился наверх. Гарри с колотившимся сердцем последовал за ним, по пути отметив длину поношенной красной ковровой дорожки на лестнице и сцены с изображением охоты на стенах. Он решил, что разговор о записи на приём был нужен, лишь чтобы усыпить бдительность прохожих, поэтому немало удивился, когда мистер Браунинг в самом деле привёл его в смотровой кабинет, где висели изображения лёгких и полости рта, различных положений губ и языка. Среди них расположились не вполне уместные гравюры древнегреческих скульптур: возничие, метатели диска, борцы.

– Пока мы не будем бороться с картавостью или заиканием, – сказал мистер Браунинг. – Нам важнее научить вас правильно дышать. Сейчас вашей речи не хватает воздуха, она как птица в клетке. Снимите, пожалуйста, пиджак и жилет, так чтобы я видел, что происходит. Вот так. Я повешу их здесь. Теперь расставьте ноги. Чуть-чуть пошире. А теперь дышите.

– Я дышу.

– Нет, вы не дышите. Вдохните. Наполните ваши лёгкие. Продолжайте вдыхать. Ещё глубже. А теперь выдыхайте. Так. Слишком быстро. Слишком жадно! Не нужно так сильно бояться.

– Я не боюсь.

– Доверьтесь мне. Вы напуганы. Вдохните снова, и на этот раз на выдохе скажите хорошее долгое «ааа».

Гарри сделал, как ему было велено; Браунинг критически за ним наблюдал.

– Ещё раз, – сказал он. – Не дёргайтесь. Мне нужно до вас дотронуться, чтобы почувствовать, что происходит. – Встав за спиной Гарри, он положил ладонь на его солнечное сплетение. – Так. Хорошее медленное «ааа». Громче. Громче! Так-то лучше. Я хочу, чтобы вы каждый раз при разговоре вспоминали о своём дыхании. Сперва убедитесь, что формируете слова с помощью воздуха и что вам его достаточно. Дыхание – естественный процесс, но невозможно представить, как плохо большинство людей с ним справляется. Они вдыхают едва ли на треть жизненной ёмкости лёгких, и в результате речь голодает и запинается. В детстве вы часто пугались?

– Обычно да.

– Мужчин?

– Обычно да.

– Хмм… Так. Теперь мне нужно дотронуться до вас сразу в двух местах, – одну руку Браунинг положил на грудь Гарри, другую опустил пониже, на живот. – Хорошо, – сказал он, стоя так близко, что Гарри ощутил шеей звук его голоса и вдохнул цитрусовый аромат лосьона для бритья. – У вас есть мускулы. Теперь я хочу, чтобы вы их задействовали. Вдохните и ещё раз произнесите долгое «ааа». Не нужно так смущаться. Все мои соседи на работе, и в любом случае им нет до нас никакого дела. На этот раз, когда вы будете выдыхать, я хочу, чтобы вы сжали мою руку так сильно, как только сможете. Я буду давить, но мне нужно, чтобы вы сопротивлялись.

Чувствуя себя глупым и в то же время счастливым, Гарри сделал, как велел мистер Браунинг, сжимая руку, прикосновение которой жгло ему кожу, чувствуя, как пот проступает на груди и спине, и «ааа», которое он произнёс, прозвучало как крик, не как обычный звук.

– Хорошо, – сказал Браунинг, не убирая рук. – Теперь вдохните как положено и скажите: «Я сомневался, что запомнил адрес».

– Я сомневался, что… – начал Гарри, не медля, не заикаясь, и внезапно умолк, почувствовав, как Гектор Браунинг впечатал в его шею крепкий поцелуй.

С минуту или две они так и стояли – нос и губы Браунинга давили на Гарри сзади, руки – спереди, а потом очень, очень медленно Гарри положил ладони на бёдра мужчины. Тогда Браунинг вновь поцеловал его и выдвинул ногу вперёд, так что она оказалась между ног Гарри.

– Я со… – начал Гарри и запнулся.

– Тихо, – прошептал Браунинг. – Вдохни. А теперь скажи мне.

– Я совсем не знаю, что делать дальше, – чётко произнёс Гарри.

– Зато я знаю, что делать. Повернись.

Гарри повернулся и увидел красивое лицо Браунинга в нескольких сантиметрах от своего лица. Браунинг улыбнулся и поцеловал его в губы. За смотровым кабинетом располагалась маленькая спальня и ванная комната с видом на водосток.

Сорок минут спустя, когда они, тяжело дыша, обнажённые, лежали на кровати, такой узкой, что одному пришлось улечься поверх другого, Браунинг прошептал:

– Бо?льшая часть моих учеников приходит утром. С половины второго до четырёх я всегда свободен. Дверь закрывать не буду. Если ты придёшь, когда меня нет, просто ложись в кровать и жди меня.

Они были любовниками больше года. Природный инстинкт подсказывал Гарри, что единственный способ не сойти с ума – не пытаться это анализировать. Но, конечно же, он пытался это анализировать, потому что был в меру умным, чувствительным и ничем не занятым и потому что сто шестьдесят четыре часа в неделю из ста шестидесяти восьми они проводили не вместе. Вскоре он осознал, какой риск на себя берёт. Печально известные судебные процессы 1890-х оставили свой след. Если они попадутся, их ожидает тюрьма и тяжёлый труд, не говоря уже о пожизненном позоре.

– Но мы не попадёмся, – уверял Браунинг (странность их близости заключалась и в том, что Гарри не мог даже в мыслях назвать его Гектором, а вслух не называл никак). – Попадаются только дураки, которые выбирают людей не своего

возраста и круга.

Гарри подумал, что они не совсем одного круга, потом вспомнил, что сестра его жены теперь хористка, и это несколько размывает границы.

– И потом, – продолжал Браунинг, – ты ходишь ко мне ставить речь, о чём никому не говоришь, потому что тебе очень стыдно.

Он скрупулёзно выписывал Гарри счёт после каждой встречи, но об оплате, конечно, речи не шло. Дома Гарри складывал счета в стол, потом решил, что это глупо, и стал сжигать их спустя неделю или чуть больше.

Ужас разоблачения всплывал в его душе в моменты безделья, обычно в кругу семьи. Среди шумной, разгорячённой толпы лишь он один ощущал холодный воздух. Или, просыпаясь по ночам, не мог снова уснуть, представляя себе самые жуткие варианты развития событий. И, как ни парадоксально, этот ужас составлял бо?льшую часть возбуждения, которое вносили в его жизнь встречи с Браунингом.

У него никогда не было работы, и до этого его жизнь радовала своей гладкой связанностью, как жизнь молодой женщины. Но теперь она разделилась на отдельные ячейки, как у работающего человека. Он никогда не переставал любить Винни и Филлис. Если на то пошло, он любил Филлис ещё больше, осознавая, что может потерять её навсегда. Винни понемногу перестала делить с ним постель вскоре после переезда на виллу Ма Турейн, к чему он отнёсся с виноватым облегчением, хотя его никогда не утомляла её компания и разговоры с ней. Теперь он стал по-новому понимать свою жену, зная, как тяжело ей, должно быть, хранить в одном уголке сердца неугасимую любовь к Уайтакру, в другом – любовь к ребёнку, а в третьем – благонравное желание всё это пережить. Тайные встречи, как он заметил, разъедали не супружеские отношения, а его уважение к себе. Он ещё никогда не чувствовал себя таким незрелым и немужественным.

Полуденные посещения медной кровати Браунинга выставляли его одетую жизнь притворством уже хотя бы потому, что они пробуждали в нём распутное бесстыдство и сокровенную суть.

Волнение, ощущаемое в маленькой комнате, будоражило и то, что Браунинг, дразня его и овладевая им, срывал признания с его губ. «Тебе это нравится, да?» – спрашивал он. «Ты этого хочешь, да?» – и Гарри ни разу не заикнулся, отвечая – да! – и даже смеялся над доказательством своих признаний.

Над шкафом, переполненным выдвижными ящиками, висело зеркало точно под таким углом, чтобы отражать их, лежавших в кровати. Дома Гарри редко смотрел на себя ниже шеи, прежде чем полностью одеться и выйти из дома, и был сперва поражён ужасом, а потом зачарован, видя себя, такого бледного и в то же время пылающего от желания, на четвереньках перед красивым, покрытым волосами мужчиной.

Его неминуемо начали снедать муки ревности.

– Ты видишься с другими мужчинами? – спрашивал было он, а Браунинг неизменно улыбался, и целовал его, и отвечал примерно одно: ты никогда не узнаешь! – и это было хуже, чем любой прямой ответ. Возможно, неминуемо было и то, что экстаз, до которого Браунинг доводил Гарри, наконец побуждал его признаваться в любви.

Не глупи, отвечал Браунинг. Или: не нужно просить невозможного. Или: давай просто наслаждаться тем, что имеем. Или, хуже всего, с улыбкой, но безо всякой взаимности: я знаю.

Умом Гарри его не любил. Он знал, что шутки Браунинга жестоки, а суждения поверхностны. Он знал, что Браунинг, при всём понятном тщеславии, был полностью захвачен тем крошечным миром, где работал. И всё же, принеси ему Браунинг два билета на поезд до Парижа и скажи: давай уедем вместе туда, где сможем быть собой! – Гарри знал, что, ни секунды не раздумывая, оставил бы всё и всех, чтобы уехать с ним.

Если бы Браунинг отвечал взаимностью, был сентиментален или навязчив, Гарри, возможно, утратил бы к нему интерес, но суровость и власть над ним возымели противоположный эффект. У Гарри не было ни сувениров, ни подарков на память, только запах тела любимого, остававшийся под ногтями на несколько бесценных часов после каждой встречи. Переписка была, конечно, невозможна.

Но он всё же нашёл способ излить свои чувства на бумагу. Как-то днём, когда он пришёл, Браунинга не оказалось дома. Навеселе после сытного обеда с Винни, поехавшей с ним в город, чтобы отвезти заказчице платье, а потом отправленной на поезд под предлогом того, что он должен заглянуть к брокеру, Гарри вскоре устал валяться, полуобнажённый, на грязной кровати Браунинга и оставил в книжечке для автографов, лежавшей на прикроватном столике, весьма пикантное признание в любви. Когда Браунинг вернулся, он в порыве страсти забыл сказать ему об этом, но был твёрдо уверен, что любовник прочитает. Потом, когда ему приходилось ждать, он делал всё новые и новые записи в этой книжечке. Он старался сделать их как можно менее романтичными, чувствуя, что Браунингу это не понравится, и коротенькие излияния чувств были почти порнографичны, полны таких слов, какие он никогда не смог бы произнести даже в самые безумные минуты страсти. Он часто вспоминал подслушанный короткий разговор двоюродных братьев из провинции, имевших с ним мало общего. Один с отвращением рассказывал о том, как соседний помещик бьёт свою собаку, а другой со вздохом заметил:

– Да, он – чудовище, но я полагаю, в этом его отдушина…

Глава 9

Гарри снова был в зрительном зале. Под предлогом обязательного посещения не слишком триумфальных, но тем не менее продолжавшихся выступлений Патти в Гайети-театре, он ходил на каждое шоу, исправно посещал репетиции, вскоре выучив наизусть каждую банальную песенку и каждый шаг танца. Новая музыкальная комедия, как обычно, была пустословной чепухой, ничем не лучше предыдущей, но джентльмены хора с Браунингом во главе исполняли довольно смелый номер в купальных костюмах (Браунинг сказал, что они чертовски жаркие и колючие и танцевать в них неудобно).

Сегодня Патти без предупреждения велели заменить заболевшую актрису, выступавшую с сольной песней. Гарри пошёл один, потому что Винни доделывала свадебное платье на заказ, и в общем-то неплохо проводил время, но, к его изумлению, Браунинга нигде не было видно. Он ждал у входа в театр, якобы чтобы поздравить Патти с успешным выступлением. Он передал ей записку и не мог не заметить, что некоторые из актёров, собиравшихся домой,

включая Кору Лейн, были удивлены видеть его здесь, в желтоватом свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Отсылка к словам Гамлета, акт II, сцена 2: «Я безумен только при норд-весте; если же ветер с юга, я ещё могу отличить сокола от цапли».

2

Этническая общность в Северной Америке.

3

Одна из старейших и самых известных британских публичных школ для мальчиков.

4

Район Лондона.

5

Буквально – Клубничная долина.

6

Пожалуйста (фр.).

7

Нечто особенное (фр.).

8

Вот и ты, Жоржетта (фр.).

9

Фешенебельный район Лондона.

10

Имеется в виду роман «Барчестерские башни» Антони Троллопа (1815–1882).

11

В кругу семьи (фр.).

12

Юридическое заведение в Лондоне, судя по всему, место работы братьев Уэллсов.

13

Эдуарда VII.

14

Один из самых распространённых типов лондонского просторечия.

15

Горацио Герберт Китченер (1850–1916) – британский военный деятель.

16

Роман Дюма.

Купить: https://tellnovel.com/ru/geyl_patrik/mesto-nazvannoe-zimoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить